

СЕРГЕЙ БУЛЫГА

СИБИРСКОЕ ДЕЛО

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Сергей Булыга

Сибирское дело

«ВЕЧЕ»

2017

Булыга С. А.

Сибирское дело / С. А. Булыга — «ВЕЧЕ», 2017 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-8983-3

В ночь на 6 августа 1585 года на реке Вагай попал в засаду и погиб покоритель Сибири Ермак Тимофеевич. Кто и при каких обстоятельствах предал легендарного атамана? Куда подевались вручённые ему царские подарки — шуба, панцирь и сабля? На эти и ещё многие другие вопросы должен ответить знаменитый сыщик Маркел Косой, отправленный в далёкую и тогда почти совсем неизвестную землю — Сибирь...

ISBN 978-5-4444-8983-3

© Булыга С. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	19
ГЛАВА 7	21
ГЛАВА 8	23
ГЛАВА 9	27
ГЛАВА 10	30
ГЛАВА 11	33
ГЛАВА 12	36
ГЛАВА 13	40
ГЛАВА 14	43
ГЛАВА 15	46
ГЛАВА 16	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Булыга

Сибирское дело

© Булыга С. А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

ГЛАВА 1

Восемнадцатого марта 1586 года в Кремле, в приказных палатах, стряпчий Разбойного приказа Маркел Косой, а с ним Котька Вислый, того же приказа подьячий, сидели у себя на службе и играли в зернь. Запершись, конечно. Маркел выигрывал уже три алтына и две деньги, посмеивался и говорил, что скоро Котька побежит за водкой. Котька сопел, помалкивал. А после вдруг сказал, что сегодня как раз ровно два года с того дня, как великий государь Иван Васильевич преставился. Маркел вздрогнул, перестал трясти стаканчиком, задумался, потом недобрым голосом сказал:

– Вечно ты что-нибудь под руку брякнешь. Испортил игру!

И в самом деле, рука у Маркела стала как свинцом налитая, трясла неловко, а кидала ещё хуже. И то! Ведь сколько сразу всего вспомнилось: дядя Трофим, ведьма-покойница, Аграфена, нянька царская... Маркел насупился, начал проигрывать. Поэтому когда в дверь постучали, он даже обрадовался, велел Котьке идти открывать, а сам быстро спрятал кости и стаканчик. Вошёл Степан, второй подьячий, и сказал, обращаясь к Маркелу, что его кличет боярин – спешно. Маркел устало вздохнул, перекрестился, сгрёб шапку в кулак, вышел в сени и подошёл к двери напротив. Рында открыл её. Маркел вошёл туда и первым делом поклонился, а уже после, распрямившись, увидел князя Семёна, своего боярина, а рядом с ним какого-то важного дьяка в высокой куньей шапке. Перед дьяком, на столе, лежала толстенная книга. Маркел ещё раз посмотрел на дьяка и теперь узнал его. Это был думный дворянин Черемисинов Деменша Иванович, казначей Казённого двора. Что принесло его сюда, настороженно подумал Маркел и мельком глянул на боярина. Тот смотрел просто, не сердясь. А, уже спокойнее подумал Маркел, глядя как Черемисинов разворачивает книгу, это он, наверное, про свечи, мы их за зиму нажгли немало...

И так оно и оказалось, ибо Черемисинов уже нашёл в той книге нужное место, приложил туда перст и, глядя на Маркела, сказал:

– Вот тут на вас написано: воску взято шесть фунтов. Куда вам столько?!

– Так это, – сразу же сказал Маркел, – по ночам сидим, корпим. А...

Черемисинов грозно махнул рукой. Маркел притих.

– Ладно, – строго сказал Черемисинов. – С воску мы не обеднеем. Да я и не за тем пришёл. – И замолчал.

Маркел подумал: а вот это не к добру!

И опять не ошибся. Черемисинов продолжил мягким голосом:

– Надо сыскать три вещицы. Снесли из государевой казны. Вещицы такие: шуба, пансырь кольчатый и сабля.

– Кто снёс? – спросил Маркел.

– Э! – нараспев ответил Черемисинов. – Кабы знали, кто, к тебе бы не ходили. – Опять взялся за книгу, перелистал её почти что в самое начало, поводил перстом, нашёл, что искал, и начал читать со значением: – «Сабля турская булатная, по обе стороны от черена до елмана золотом наведена, а в навод слова татарские и травы золотом. Ножны и черен хоз серебряный, чеканен; огнивец и на ножнах оковы и устье и нижняя окова и огнивец на черену оклад серебряный...».

Маркел слушал внимательно, запоминал и думал: это же какая сабля дорогушая! А Черемисинов, кончив читать про саблю, сразу же продолжил:

– «Пансырь немецкий, битый в 5 колец мудрошно, на гвоздь; рукава по локоть, ожерелье хрещавое, пущен в два ряда медью; на хребте мишень набита, медная, образиною; сзади ожерелья кольцо медное мишенью...».

Черемисинов читал неспешно, смакуя слова. Ещё бы! Такие вещицы! А прочитав, посмотрел на Маркела. Маркел робко вздохнул. Ибо, подумал, с того, что вещицы очень дорогие, сыскать их будет тяжело.

А Черемисинов уже опять начал читать:

– «Шуба камка червчатая кармазин, чешуйчатая, на черевах на песцовых на чёрных; кружево и петли немецкое золото с серебром, колёсчатое; четыре пуговицы дорожные, серебряные золочёные, с чернью, да четыре пуговицы серебряные чешуйчатые золочёные...».

Мать честная, подумал Маркел, а у самого аж дух перехватило, и не удержался и опять спросил:

– У кого это искать? Или ещё не знают?

– Знают, – строго, со значением ответил Черемисинов. – Взял все эти три вещицы вор разбойник Ермак Тимофеевич.

– Это который из Сибири, что ли?

– Он самый.

– Так как это он мог взять? – спросил Маркел с недоумением. – Его же самого давно убили. Ещё прошлым летом.

– А он взял ещё раньше, – сказал Черемисинов. – Три года тому назад.

– Как это взял? – спросил Маркел. – Он, что ли, в государеву казну пробрался и сам оттуда вынес?

– Ну, не то чтобы сам вынес, – нехотя ответил Черемисинов. – Но это с него всё началось. Прислал он от себя посольство, поклонился Сибирским царством. Покойный государь Иван Васильевич ему поверил, одарил шубой, саблей и пансырем, Ермак их принял... А Сибирь-то на проверку оказалась не его! Сибирь отложились, Ермака убили, и пропали царёвы вещицы. Нет, даже хуже того! Может, теперь сибирский царь Кучум ходит в нашем царском пансыре и со стены Кашлыкской вниз на наших стрельцов поплёвывает!

Боярин князь Семён не удержался и сказал:

– Стрельцов в Сибири уже нет.

– Вот в том-то и беда, что нет! – с жаром воскликнул Черемисинов. – Профукали Сибирь! Сперва Ермаковых казаков побили, после царёвых стрельцов, а теперь у кого ни спроси, мы, отвечаем, никого туда не посылали, знать ничего не знаем, и, может, вообще никакого посольства Ермакова из Сибири не было!

– Как это так? – удивился Маркел.

– А вот так! – сердито хмыкнул Черемисинов. – Не было такого, говорят, посольства. – И тут же спросил: – Вот ты посольство Ермаково видел?

– Нет, – растерянно сказал Маркел. – Я тогда в Москве ещё не жил. Рославльский я...

– Вот так все теперь отрешиваются, – со злом подхватил Черемисинов. – Никто не видел, говорят!

– А ты? – спросил Маркел. – Ты видел?

– Я тогда в Астрахани был, – ответил Черемисинов. – А так бы видел, конечно.

Маркел подумал и спросил как можно проще:

– Так, может, в самом деле не было того Сибирского посольства?

– Тогда и шуба была бы на месте, – так же просто ответил ему Черемисинов. – А так её нет. Вот здесь написано, – и он ткнул пальцем в книгу. – Шуба! Кармазиновая. Чешуйчатая. С золотыми пуговками. Есть! А сундук откроешь – нет. И это в государевом добре такая недостача – шуба.

– Чьей рукой написано, что шуба есть? – спросил Маркел.

– Дьяка Семейки Емельянова рукой. Да что Семейка, с него какой спрос! У него спроси, и он ответит: что ему сказали, то и записал.

– А кто ему сказал?

– Сказал наш бывший первый казначей, окольный, Головин Володимир Васильевич, когда он царёво добро пересчитывал ещё при великом государе Иване Васильевиче. Ну а как Иван Васильевич преставился, а на его место вошёл его любимый сын Фёдор Иванович, так Головина, как вы все знаете, попёрли, прости, Господи. Вместо него у нас теперь, как тоже всем известно, первым казначеем думный дворянин Трохониотов Иван Васильевич. И он, на это место заступив, тоже опять давай всё пересчитывать! Но государева казна немалая, поэтому только сейчас до этих сундуков дошли... А в них и нет ничего! А здесь, – и Черемисинов опять ткнул в книгу, – есть! Почему это так? Посмотрели, а тут сбоку, вот смотри, головинскою рукой приписка: «про шубу спросить у Богдана».

– Ну так и спросили бы, – сказал Маркел.

Черемисинов сердито хмыкнул и так же сердито продолжил:

– Спросили. Головин сказал, что Богдан – это Бельский. Ну да Бельский теперь кто? Тоже ведь, как только государь преставился, его сразу... Да! А тогда он был в силе, ого! Ну и мы к нему пошли. И он сказал, что да, было посольство Ермаковское, кланялись они Сибирским царством, но царь не стал их принимать, сказал, что ему это не в честь, и послал их к Бельскому. И он, Бельский, их принимал и одаривал. А когда мы у Бельского спросили, чем он их одаривал, он отвечал, что царской шубой, царской саблей и царским же пансырем. Вот! Слово в слово, как у нас в книге записано! А дальше, у него спросили, что с теми дарами было? А дальше, он сказал, ермаковы люди их забрали и свезли в Сибирь, а что в Сибири с ними стало, то ему не ведомо. Ну да мы и сами это знаем: Ермак дары забрал, а злого царя Кучума злые люди Ермака подстерегли, убили и ограбили. И тогда это уже не нашего, Казённого, а вашего, Разбойного приказа дело, потому что это же разбой! – Тут он мельком глянул на боярина и быстро продолжал: – Так вот теперь нужно туда пойти, найти царские вещицы и вернуть обратно, и мы их снова в эту нашу книгу впишем.

Маркел молчал, смотрел то на князя Семёна, то на Черемисинова, моргал, а потом-таки собрался с духом и спросил:

– Так это мне теперь, что ли, в Сибирь идти и там искать?

– А что поделаться? – сказал, разводя руками, Черемисинов. – Это же кого убили? Того, кто в царской шубе хаживал. Такое спускать нельзя! Да и место там известное, казаки знают, где Ермак убит, расскажут, там поищешь.

– И что? – тихо спросил Маркел.

– Что, что! – сердито передразнил Черемисинов. – Не найдёшь, вернёшься, так тогда здесь и напишем: «царёвы подарки в нетях, Богдан не скривил».

– А не вернусь? – спросил Маркел.

– Ну, – замаялся Черемисинов и обернулся на князя Семёна.

Князь Семён подумал и сказал:

– Ты не робей, Маркел. Тебе сейчас только до Устюга скорей добраться, а там, мне наши люди донесли, Ермаковы казаки уже новую ватагу собирают, вот к ним и пристанешь, придёшь на реку Иртыш, найдёшь там саблю, пансырь... Ну и шубу, если таковая сыщется, и сразу можешь обратно. И мы отблагодарим тебя здесь так, как ты и не чаял.

Маркел молчал, смотрел на князя. А Черемисинов опять заговорил:

– Давай, давай, езжай, не сомневайся! А мы пока что будем говорить, что Разбойный приказ ищет. А не вернёшься, скажем, не нашёл.

Маркел вздохнул и снова посмотрел на князя. Князь строго сказал:

– Не зли меня. Чем скорей вернёшься, тем меньше разозлишь. И я ещё от себя додам подарков твоим Прасковье с Нюской. А пока два дня тебе на сборы. И больше не мозоль глаза!

Маркел поклонился, развернулся и вышел.

ГЛАВА 2

Маркел жил тут же, в Кремле, от приказов через площадь, в князя Семёновых палатах, в подсоседях. При князе Семёне жить было вольготно: ни о харчах себе не думай, ни о дровах, ни о многом ещё чём другом.

Ну а тогда, в тот день, когда Маркел шёл из приказа, он и вовсе ни о чём своём не думал, а только о Ермаке. Да вот много думать у него не получалось, ибо он о Ермаке почти что ничего не знал. Не до Ермака ему было. Ну, разве что иногда только слышал, что, мол-де, гулял такой на Волге атаман казачий, Ермак Тимофеевич, много кого побил, пограбил, а после как будто одумался, пошёл в дикую страну Сибирь, там тоже всех побил, покори́л тамошнее Сибирское татарское царство и поднёс его покойному государю Ивану Васильевичу, покойный государь царство принял и Ермака щедро за это жаловал, а сибирские люди, татары, на Ермака зло затаив, его подстерегли и убили, и Ермаковы казаки, увидев такой оборот, сразу все из Сибири вышли и теперь сидят тишком, не знают, как им дальше быть. Ну, ещё да, к Ермаку на подмогу царь два раза посылал стрельцов, но стрельцов быстро побили – и они тоже из Сибири выбежали. Нет теперь в Сибири православных, теперь один Маркел туда пойдет искать Ермакову могилу. Тьфу, пропади оно всё пропадом!

Подумав так, Маркел увидел, что уже пришёл, поэтому поднялся на крыльцо, подошёл к своей, третьей в ряду двери, толкнул её, вошёл – и увидел Параску. Она сидела за столом, смотрела пристально. Ну да ещё бы не смотреть! Они с Маркелом были же не венчаны, так просто жили, в воровстве, грешили. А как было не грешить, когда жили они рядом, через стенку, а Параскин муж, Гурий Корнеевич, сотенный начальный голова Государева Стремяного полка, уже восьмой год сидит в плену в ливонской крепости Венден, в яме, и ливонцы не хотят его менять, хоть наши и сулят за него немало денег. А, может, и не сулят. Или он там давно помер, а воевода венденский молчит, кто знает?..

И вот тут пришёл Маркел к себе, снял шапку и перекрестился на икону. Параска сразу быстро-быстро заморгала и накусилась.

– Чего ты это так? – спросил Маркел. – Случилось что-нибудь?

– Да как не случилось! – сказала Параска, утирая слёзы. – Чем ты им не угодил, псам этим?

– Чем-чем! – строго сказал Маркел, садясь на своё место. – Служба такая. Накрывай. Я голоден.

Параска поднялась и стала накрывать. Маркел взялся есть. Ел через силу, без всякой охоты.

– Знаю я! – вдруг сказала Параска. – В Сибирь они тебя сослали.

– Ещё не сослали.

– Так сошлют!

Маркел только пожал плечами и начал зачерпывать почаше и поглубже. Параска стояла рядом и помалкивала. Маркел наконец спросил:

– Что у вас там про эту Сибирь бают?

– Бают, что Ермак сам виноват, – в сердцах ответила Параска. – Когда он Кучума, того сибирского царя, побил, Кучум предлагал мировую. Я, говорил, даю тебе, Ермак, свою любимую младшую дочь замуж, и пол-Сибирского царства в придачу, будем Сибирью вместе править, а как я помру, заберёшь всё под себя и дальше правь сам как хочешь! А Ермак, ваш дурень, отказался. Кучум осерчал и убил Ермака.

– Га! – весело сказал Маркел. – Слыхали. Так уже было про турецкого салтана.

– К салтану Ермак не ходил!

– Ладно, – не стал спорить Маркел. – Не ходил так не ходил. Теперь я к Ермаку пойду.

– Зачем? – строго спросила Параска. – Его же убили.

– Вот потому и пойду, что убили. Убили и ограбили. Надо найти злодеев.

– Ой-ой! – наигранно запричитала Параска. – Ограбили его, ага! Весь царёв двор смеётся. Кучум его ограбил, да! Да Кучум и не видал того, что грабить. Так и Ермак не видал. А грабили: Богдашка Бельский, это раз, Черемисинов Демешка, это два, и Трохониотов Ванька, три!

– А Головин? – спросил Маркел насмешливо.

– А этот не успел, этого они оттёрли, – уверенно ответила Параска. – А тебя нарочно шлют в Сибирь. Чтобы ты оттуда не вернулся. Чтобы концы в воду. А шуба кармазиновая – сто рублей, пансырь кольчатый – ещё полста, и сабля – ещё семьдесят, вот сколько на троих поделят. А ты ехай в Сибирь, дурень!

– Я не дурень! – осадил её Маркел. – А я на службе.

– Ну, служи-служи.

И больше она ни слова не сказала. Маркел, тоже обозлясь, ушёл за загородку, лёг и отдыхал после обеда. Думал. Параска ушла куда-то. Маркел ещё немного полежал, поднялся, вышел, сел к столу, достал засапожный нож и начал его натачивать.

Приходила Нюска, толклась по углам, играла с цветными тряпками, смотрела на Маркела. Тот молчал, занимался ножом. Нюска, ничего не говоря, ушла к себе за стенку. Маркел отложил нож и подумал, что нехорошо это, надо было дитя приголубить – сирота же, Гурий Корнеевич её теперь небось и не узнает, если вдруг вернётся. Вспомнив про Гурия Корнеевича, Маркел тяжело вздохнул. И, правда, тут же подумал, что да как он мог Гурия Корнеевича вспомнить, если он его не видел никогда, ибо Гурий Корнеевич уже восемь лет сидит в Ливонии, а Маркел всего два года как в Москву приехал. Как раз, кстати, приехал к тому дню, когда государь Иван Васильевич преставился. Или, правильней сказать, его преставили злые люди. Вот где было тогда дело так дело, сколько людей оно сгубило насмерть, Господи, спаси и сохрани, сам уже думал, что живым не выбраться... А всё же выбрался и заматерел, у самого князя Семёна на задворках подселился, а тут ещё соседка-ягодка, а тут...

И тут без стука вошёл Филька, горький пьяница, тоже сосед, но напротив. Маркел в сердцах подумал: принесла нелёгкая!

И угадал. Филька снял шапку, подошёл к столу, спросил:

– Говорят, тебя в Сибирь послали, это верно?

– Верно, – нехотя сказал Маркел. – И не дури мне голову, мне завтра ехать.

– А я и не дую, – ответил Филька. – Я, может, со своим пришёл.

Тут он и в самом деле достал из-за пазухи небольшую глиняную баклажку и выставил её на стол. Маркел нахмурился. Филька сказал:

– Привыкай. В Сибири без этого нельзя.

– Почему? – спросил Маркел.

– Потому что помрёшь без неё. Замёрзнешь. Знаешь, какие там морозы? Земля трескается. А там простой земли нет, одни камни. И ничего на камнях не растёт, а только мох, называется ягель. Люди этот ягель собирают, перетирают в жерновках и варят. И скотины никакой там нет, не водится. Одни дикие собаки белые. Люди этих собак в силки ловят, варят вместе с ягелем, солью посыпают и едят. Соли там много, ага. И запивают вот этим!

Тут он постучал по баклажке. И сразу спросил:

– Налить?

Маркел молчал. Тогда Филька поднялся, взял, где надо, два шкалика, отломил хлеба, вышелушил пару луковиц, снова сел к столу и налил по шкаликам. Они молча чокнулись и выпили. Филька широко утёрся и сказал:

– Страшно на тебя смотреть, Маркел. Ты будто уже покойник.

И опять налил. Маркел не перечил. Они ещё раз выпили. В голове немного зашумело. Маркел усмехнулся и спросил:

– А ты про Сибирь откуда знаешь?

– Так это я знаю давно, – важным голосом ответил Филька. – Это когда ещё от них посольство приезжало.

– Посольство?

– Ага. Три года тому. Тебя тут ещё не было, а они уже приехали: Черкас Александров со товарищи, как говорится.

– Какой ещё Черкас?

– Обыкновенный. Ермаковский есаул. Он грамоте умел, вот Ермак его и снарядил. Дал ещё двадцать казаков в придачу, дал ясаку побольше... Ясак был славный – соболя, двадцать пять сороков. И восемь шерстных грамот – это значит, что восемь тамошних князьков государю поклонились. А девятый поклон был от всего Сибирского царства – вот такой сеунч расписанный, про все победы, а внизу всё Ермаково войско руки приложило, а кто не умел подписаться, тот ставил крестик. И этих крестиков было ого! Как лес! Да только царь этот сеунч даже смотреть не стал. Сказал, ему это не в честь – с ворами якшаться.

– И что? – спросил Маркел.

Филька молчал. Маркел взялся за баклажку. Баклажка была уже пустая. Маркел вздохнул, сходил за загородку, принёс добрую бутыль, принёс ещё хлеба и голяшку мяса. И налил. Филька выпил и продолжил:

– Вот! Не стал царь-государь с ворами якшаться. Призвал Бельского и говорит: «Якшайся ты». Бельский пошёл якшаться, спрашивает: «Чего взамен хотите, казачки?» Они отвечают: «Зелейного заряда, и поболее, и пушку, и также пищалей, и сабель, пансырей, ножей, бердышей, и просто железа хоть бы сколько». Бельский говорит: «Э, нет! Этого вам царь не даст, этого он даст своим стрельцам, и пошлёт их вам на подмогу. А вам вот: каждому по новой шапке, по отрезу доброго сукна и по паре сапог кызылбашских. Берите!»

– Взяли? – спросил Маркел.

– Взяли бы, да им не дали, – сказал Филька. – Царь не велел. Велел дать только Ермаку.

– Что Ермаку? Что ему дали?

– Я этого не ведаю, – честно признался Филька. – Я только ведаю, что казаки сильно обиделись, в тот же день собрались и ушли в Сибирь обратно. А вскоре царь послал в Сибирь стрельцов. А казаки тех стрельцов перебили. Тогда царь послал ещё, теперь уже с воеводой Мансуровым. Но пока эти пришли, Ермака уже убили Кучумовы люди – и на Мансуровских стрельцов напустились! Ну, Мансуровские и побежали от них. И казаки, которые от Ермака остались, с теми стрельцами тоже побежали. И сейчас они все, или по отдельности, сидят одни в Вологде, другие в Устьюге, и снова в Сибирь собираются. Да туда не очень соберёшься! Там же не только мороз, а там ещё и ночь всё время. Темнотица! Вот какое это место проклятущее – Сибирь. Там и замёрзнешь, и ослепнешь на хрен.

И Филька опять потянулся к бутылке. Маркел дал ему налить. Филька налил...

Но тут как раз вошла Параска. Филька сразу встал, взялся за шапку.

– Иди-иди, – строго сказала Параска. – И так вон надышал как густо!

Филька, обойдя Параску, вышел. Параска убрала бутылку, смахнула крошки со стола и повернулась к Маркелу.

Но тут опять явилась Нюська. Параска, ничего не говоря, взяла её под локоть и увела к себе. Маркел после ещё долго слышал, как они за стенкой переговариваются. А сам он пока сидел и, скуки ради, строгал чурочку. Вспоминал, как жил в Рославле, как после вырвался в Москву и здесь остался, хоть говорили: лучше уезжай, зарежут тебя здесь на такой службе. А вот и не зарезали! Два года как сыр в масле катался... Но вот теперь, правда, в Сибирь отправили. За что?! Маркел отбросил чурочку, нахмурился.

И тут вернулась Параска. Теперь она была одета во всё новое, дух от неё стоял очень пахучий, щёки были нарумянены, брови наведены. В руках у неё был графинчик с наливкой.

Они сели выпивать и разговаривать. Разговор был о пустом, неважном. После они стали милостивиться. Параска просто аж горела вся.

А после заснула. Маркел лежал, ворочался. В хоромах было тихо-тихо. Маркел смотрел по сторонам, везде было темно, только лампадка под Николой чуть светилась. Маркел широко перекрестился, прочёл Отче наш. После вдруг снова вспомнился Гурий Корнеевич. Маркел махнул рукой, Гурий Корнеевич унялся. Маркел стал думать про Сибирь, про тамошние холода и темноту, про то, что уезжает он туда надолго, на год, а то и на два, или на все три, но и это уже будет славно, если даже пусть через три года он сюда вернётся... И вдруг узнает, что Гурий Корнеевич уже давно здесь. А что! А вот наши заплатят за него как посулили, и воевода венденский, Ивахим фон Крюк, его и отпустит. Или уже поздно отпускать, ибо давно уже преставился Гурий Корнеевич, Царство ему Небесное, Маркел перекрестился... И тут же подумал, что это нехорошо такое загадывать, не по-христиански, а надо бы...

Ну и так далее. Долго ещё Маркел лежал, раздумывал, и сон никак его не брал. Тогда он перестал раздумывать, а начал вспоминать и повторять, чтобы лучше запомнить, приметы пропавших вещей: сабля булатная, пансырь немецкий, шуба кармазиновая, чешуйчатая, на черевах песцовых, а пансырь бит в пять колец, а сабля золотом наведена, а пансырь рукава по локоть, а...

И так, пока всё не запомнил, не заснул. Зато после заснул как убитый.

ГЛАВА 3

Утром они первым делом сразу пошли на Красную площадь, в ряды, и там купили Маркелу шубу длинную, до пят, валяные сапоги, рубаху вязаную, урманскую, тёплую, две пары рукавиц, и ещё...

Да! И Нюске сладких гостинцев, чтобы не скучала, как сказал Маркел, – и засмеялся. А на душе было тоскливо. Обратно шли, Маркел смотрел на колокольни, думал: а вот прямо сейчас зайти и повенчаться! А что? А сказать, что Параска вдова, дать три рубля – и обвенчают ведь. А если Гурий Корнеевич жив? И вдруг вернётся? Какой грех на себя возьмём! И промолчал.

Вернулись, только стали примерять – пришёл Мартын Оглобля, дворский, и сказал, что князь зовёт. Маркел взял шапку, пошёл к князю. Князь сидел тут же, у себя дома в хоромаш, на втором этаже, в Ответной палате. Маркел вошёл, поклонился. Князь Семён сказал:

– Тебе завтра с утра ехать. – И тут же спросил: – Куда ехать и зачем?

– В Сибирь, на реку Иртыш, в град Кашлык, – без запинки ответил Маркел. И так же без запинки прибавил: – За саблей, пансырем и шубой царскими.

– Какие они из себя?

Маркел глубоко вдохнул и начал как по писаному:

– Сабля турецкая, булатная, на обе стороны... – и дальше, слово в слово.

И так же, без передышки, сказал про шубу и про пансырь, нигде ни разу не ошибся. Князь одобрительно кивнул, сказал:

– Всё верно. Можешь ехать. Твоя подорожная уже готова. Завтра возьмёшь её в Ямской избе. Там всё прописано, куда ехать, и как, и сколько. До Чердыни! А там дальше уже сам ищи. По-татарски ты же понимаешь?

– Понимаю.

– Вот и славно, – сказал князь. И тут же странным голосом прибавил: – Ну да, может, тебе этого и не понадобится, а только доедешь до Вологды, а там развернёшься – и обратно.

Маркел с удивлением глянул на князя. Князь усмехнулся и сказал:

– А что? В Вологде сейчас сидит Мансуров. – И вдруг очень сердитым голосом спросил: – Кто такой Мансуров, знаешь?

– Знаю, – ответил Маркел, – воевода.

– Га! – ещё сердитей сказал князь. – Ванька Мансуров воевода! Сотник он по выбору, вот кто! В полусотенных ходил, и вдруг его подняли в сотники. И сразу дали сотню – и в Сибирь! Никто не хотел туда идти, вот и послали сотника, а все воеводы отказались. После Болховского никто туда идти не пожелал. – И вдруг опять спросил: – Болховской кто такой?

Маркел молчал.

– Да, – сказал князь Семён уже без всякой злости. – Далеко ты не уедешь, если ничего не знаешь. Начнём с самого начала. Так вот, был такой на Волге атаман Ермак, всех грабил. А после ему стало там тесно, он перешёл на реку Каму, а там через горы Камень взял да и ушёл в Сибирь со всеми своими людьми, с целым войском таких же разбойников, как сам. И они там враз пропали. Мы тут вздохнули: слава Тебе, Господи, унял злодея. Как вдруг, года не прошло, от Ермака из Сибири посольство с дарами. И говорят: царь-государь, кланяется тебе славный атаман Ермак Тимофеевич и, надо будет, он тебе ещё поклонится, а ты, государь, дай ему пушек, сабель, пищалей, свинца, пороху поболее, и он будет дальше воевать. И что, царь-государь, сам себе, что ли, враг – разбойников вооружать? Ничего он им не дал! А только сказал: дам вам стрельцов, стрельцы вам пособят. И послал воеводу Болховского с войском. Болховской в Сибирь ушёл... И пропал. А тут и государь Иван Васильевич у нас преставился, всем сразу стало не до Сибири, никто туда идти не хочет, молодой царь Фёдор Иванович воеводам

не указ... Нашли только одного Мансурова. Этот согласился. Ему что? Ему терять нечего, зато если отличится, ему сразу честь. И он пошёл. И он тоже пропал! Тоже, мы думали, совсем. Но этой зимой вдруг, слышим, возвращается побитый. Из Сибири выбежал, а до Москвы не добежал, сел в Вологде, дальше идти робеет. И вот ты теперь туда, в ту Вологду, езжай и раз-узнай у него самого, что там у них было да как: и как Ермака убили, и как Сибирь профукали, где Болховской, где его стрельцы, кто столько православных душ сгубил за здорово живёшь... Ну и, конечно, и про то, где те царские шуба, сабля да панцирь припрятаны. Хотя, думаю, вот как раз про это ты ничего не узнаешь.

– Почему? – спросил Маркел.

– Да потому что, – как бы нехотя ответил князь Семён, – думаю, что никаких подарков не было, а это они уже сейчас списали на него.

– Кто списал? – спросил Маркел.

– Ну, мало ли, – задумчиво ответил князь Семён. – Да и не наше это дело! – продолжил он своим привычным бодрым голосом. – Наше дело – сыскать правду! Вот ты и езжай к Мансурову, приведи его к кресту и со всей строгостью дознайся, были ли на самом деле Ермаку от нас подарки, и если их не было, то моей властью позволяю тебе сразу ехать обратно. Ну а если они всё же были, тогда не обессудь! Тогда езжай, как было оговорено, в Сибирь, и там ищи. А если и в Сибири не найдёшь, тогда езжай в Китай, в Опоньское царство и, если надо, то и дальше, но царские вещицы любят счёт, их надо вернуть, понятно?!

Маркел кивнул, что понятно, и вздохнул. Князь Семён спросил:

– Что-то ещё хочешь сказать?

Маркел помялся и ответил:

– Хочу узнать про Гурия Корнеевича Мухина, сотенного начального голову Государева стрелецкого полка. Жив он или нет?

Князь Семён усмехнулся, спросил:

– А ты как думаешь?

Маркел покраснел и ответил:

– Я хочу знать, как оно есть на самом деле.

– Э! – нарастая сказал князь Семён. – Я могу послать к ливонцам, в крепость Венден, человека, он узнает. Мне это недорого станет.

– А пока что ничего не ведомо?

– Пока что ничего.

Маркел открыл было рот... но так и закрыл, промолчавши. Князь Семён ещё сильнее усмехнулся и сказал:

– Ладно, тогда пока что вот как сделаем. Ты езжай туда, ищи, а мы тут посидим, подождем. И никого к ливонцам посылать не будем. Но и оттуда никого не примем, если что.

Маркел поклонился. Князь Семён махнул рукой. Маркел поклонился ещё ниже и, не разгибаясь, вышел.

ГЛАВА 4

Когда Маркел пришёл домой, Нюська сидела на полу и играла с деревянной куклой. Маркел спросил, где мамка. Ушла к ведьме, ответила Нюська. Зачем, строго спросил Маркел, потому что не любил такого. Я не знаю, ответила Нюська.

Маркел сел за стол. Нюська подала ему поесть, а сама села напротив. Маркел ел и спрашивал о всяких мелочах, Нюська охотно отвечала. Потом вдруг замолчала, облизала губы и сказала:

– Ты же в Сибирь идёшь?

– В Сибирь, – кивнул Маркел. – А что?

– Привези мне оттуда манит-камень.

– Это что такое?

– А это такая диковина. Чёрненький камешек, маленький. На кого его наставишь, того он к тебе и манит.

– Э! – засмеялся Маркел. – Зачем тебе это? Я и так вон как близко сижу, можно рукой достать.

– А я не про тебя, – сказала Нюська и насупилась.

Маркел подумал и сообразил: вот про кого это она – про Гурия Корнеевича! И тут Маркел тоже насупился, больше уже ни о чём не заговаривал, а сидел сычом, ел молча, глазами посверкивал. Нюська, такое увидав, испугалась, стала шуметь, пошучивать, но Маркел как будто ничего не слышал. А как поел, пошёл и лёг на лавку, заложил руки за голову.

Пришла Параска, остановилась в двери, осмотрелась. Потом, повернувшись к Нюське, спросила:

– Ты чего ему сказала, дура?!

– Ничего, – тихо ответила Нюська.

Параска посмотрела на Маркела. Маркел сел на лавке и сказал:

– А что, ей уже и слова не сказать?!

– Ну, – растерялась Параска, – сказать. А пока иди, Нюся, иди. Надо будет, позову.

Нюська надулась и нехотя вышла. Параска села рядом с Маркелом и начала расстёгивать на нём ворот рубахи.

– Ты чего это? – спросил Маркел.

– Так надо.

Параска потянула за шнурок и вытащила из-под рубахи Маркелову ладанку. Маркел перепугался, побелел. Параска сказала:

– Не робей.

И развязала ладанку. Маркел не шевелился.

– Видишь? – спросила Параска, разжимая свой пухлый бабий кулачок.

На ладони лежал маленький засохший корень.

– Вот это пожуйёшь, и сразу как рукой снимает, – сказала Параска.

– Что снимает? – спросил Маркел.

– Всё снимает, особенно сглаз, – строгим голосом ответила Параска, засовывая корешок в ладанку. – Знаешь, какие в Сибири бабы злые? Татарки эти сибирские, ого! Им такого, как тебя, околдовать – раз плюнуть. Вскочит на стол и как пойдёт плясать! А брюхо голое! И эти вот так торчат! А вам, мужикам, много надо? А так корешок пожевал – и отпустило.

– А если не жевать? – спросил Маркел.

– А ты побожись, что пожуйёшь! Побожись, побожись! Я вот уже божилась.

– У ведьмы!

– Что у ведьмы? Она с крестиком!

– С хвостом она!

– Тьфу на тебя! Божись!

Маркел побожился, что будет жевать, если татарки нападут. Тогда Параска ещё прибавила, что этот целебный корешок не только от сглаза помогает, но и от отравы – тоже надо пожевать, а после хоть змеей закусывай, не страшно. И опять поставила на стол графинчик, разложила закусок...

Ну и так далее.

А после наступила ночь, они заснули.

Посреди ночи Маркел вдруг проснулся. Было жарко, дышать нечем. Маркел поднялся, подошёл к столу, напился квасу, полегчало. Маркел вернулся к лавке, сел с краю и задумался. Хотя чего тут было думать? И так уже всё было ясно: недоброе это сибирское дело, скользкое, лживое! Доброе, это когда всё ясно – убьют кого-нибудь или ограбят, приходи и поднимай на дыбу, спрашивай, а тут только и смотри, чтобы самого на дыбу не подняли, или что там в Сибири вместо дыбы у татар, да и не всё равно ли, что, а гадко так, как и тогда, когда царь-государь преставился ровно два года тому назад, вот Котька-пёс накликал, тьфу, всё из-за Котьки, сглазил! Маркел плюнул со зла, лёг, обнял Параску покрепче, зажмурил глаза и заснул.

ГЛАВА 5

Назавтра утром они проснулись чуть свет. Маркел сразу начал собираться в дорогу, а Параска крадучись ушла к себе. Маркел продолжал собираться. Вернулась Параска, теперь уже с Нюской, и они обе стали накрывать на стол. Стол был богатый, даже с пирогами с мёдом. Но веселья не было – они молча сели, все трое, и молча позавтракали. После Маркел встал и оделся в сибирское, тёплое, только шапку пока что не стал надевать. Параска сняла со стены образ Николы, начала читать молитвы, Нюска за ней подхватывала. Когда они замолчали, Маркел приложился к иконе и отступил на шаг. Параска его иконою перекрестила. Маркел надел шапку, повернулся к двери и окликнул. Тут же вошёл Филька, взял у Параски узел с вещами. Тогда Параска взяла узелок поменьше, узелок был припасён заранее. Маркел, глядя на него, нахмурился, но промолчал.

Они вышли на крыльцо и стали сходить с него все вместе. Маркелу это не понравилось, он обернулся и расставил руки перед Нюской и Параской. Они нехотя остановились. Маркел обнял Нюску, потрепал. А Параску он на людях лапаты не решился, и только поклонился ей в пояс. Параска немо заплакала, протянула Фильке узелок и стала утираться платочком. Нюска тоже стала нюниться. Чтобы их дальше не терзать, Маркел и Филька, развернувшись, пошли скорым шагом.

Да и идти там было недалеко – через Ивановскую площадь. Пришли к приказным палатам и мимо Разбойного приказа подошли к Ямскому же приказу, или, как привычно было называть, к Ямской избе. Там их уже ждали давешние Котька Вислый и Степан (правильнее, Стёпка), оба разбойные подьячие, а с ними Захар Домрачев, стряпчий Ямской избы. За ним стояла пароконка, запряжённая гусём. Кони, сразу видно, были свежие, ухоженные, ладные. Рядом похаживал их проводник, чистил коней, оглаживал. Лицо у проводника было красное, глаза весело посверкивали, наверное, уже успел хватить, подумалось. Маркел и Филька подошли к своим и поздоровались. Захар подал Маркелу свёрнутую в трубку дорожную с чёрной вислой печатью. Маркел развернул её и начал, шевеля губами, бубнить себе под нос:

«По Государеву Царёву и Великого Князя указу по дороге от Москвы через Ярославль, Ростов, Вологду, Устюг Великий и далее, куда будет указано... везде, не издержав ни часу... моему верному слуге Маркелу Петрову сыну Косому всегда два добрых коня с подводой, да проводника, в оглобли, а где надобно, и суденко с гребцами... И подавать ему на корм на каждый день кура да две части говядины... и ещё всего другого прочего столько, сколько его чрево примет. Писано на Москве лета 7094 марта в 20 день».

Отбубнив, Маркел задумался, а после опять начал читать сначала и опять запнулся в том же месте: «и далее, куда будет указано». Это куда, подумалось, в Чердынь? А за Чердынью что – никто ещё не знает? И Маркел вздохнул.

– Ты что это?! – сказал Захар. – Да я тебе смотри каких коней добыл! И проводник тоже зверь. А ты нос воротишь. Это как?

Но Маркел в ответ только махнул рукой. Что проводник, подумал он тоскливо, завтра же будет другой, а послезавтра третий и так далее, пока «будет указано». А кем указано? И повернулся к Стёпке. Стёпка подал ему кошель. Маркел принял его, слегка подбросил. Кошель был не очень полный. Ну и ладно, подумал Маркел, отвернулся и пошёл к саням садиться. Филька пошёл за ним, первым делом уложил в сани узел с вещами, и только уже после узелок с провизией. Сказал:

– А что! Когда это ещё тот ям? А тут сразу взял и перекусывай.

Маркел улыбнулся, дал Фильке двугривенный и сказал, чтобы тот выпил за него. Филька засмеялся и ответил, что он на это выпьет не однажды и ещё добрых людей угостит. Маркел сел, запахнул полог саней, чмокнул губами, приказал «пошёл!». Проводник легко вскочил на

переднюю лошадь, жарко огрел её кнутом – и лошадь рванула, сани тронулись наискосок через площадь, сразу забирая к Никольским воротам. Маркел не смотрел по сторонам, а просто ехал, думал. Думалось только о всяких гадостях, Маркел сидел мрачный, угрюмый.

Так он угрюмо ехал и по Кремлю, и дальше, через Воскресенский мост на Сретенку, а там, по Сретенке, к городским Сретенским воротам. Только за воротами, за городом, ему стало немного веселей, он развернул Параскин узелок, достал оттуда кусок пирога, начал его покусывать и думать уже не так мрачно. А что, думал Маркел, очень вполне может быть, что князь Семён прав – и никуда дальше Вологды ехать будет не надо, в Вологде сотник Мансуров скажет, и побожится, что никаких ни шуб, ни сабель, ни пансырей покойный царь Иван Васильевич, равно как и боярин Бельский Ермаку не даривали, а всё это воровские приписки вора Володьки Головина, бывшего первого царёва казначея, просто его тогда не усмотрели, зато в прошлом году поймали за руку на новом воровстве и сразу свели к Ефрему в пыточную, он там во всём повинился – и его осудили на казнь. И был бы жив покойный государь Иван Васильевич, так и казнили бы сразу на славу, а теперь что, теперь при добрейшем государе Фёдоре Ивановиче пришла воля вора, помиловали и Головина, отправили воеводой в Чебоксары. Вот каковую теперь стала государева великая опала, тьфу!

Но пока об этом думалось, пирог был съеден подчистую. Маркел отряхнул руки, вспомнил Параску добрым словом, ещё раз залез в узелок, нащупал и достал баклажку, пригубил – и снова добрым словом вспомнил. И снова. А после пустую баклажку выбросил в сугроб. По сторонам было полно сугробов, это хорошо, подумалось, не дай бог тащиться по грязи. А так ехалось легко, скользилось.

А потом, солнце ещё не поднялось до полудня, показался первый ям – Тарасовка. Остановились, там дали другого провожатого и поменяли лошадей. Маркел зорко смотрел, чтобы не подсунули каких-нибудь хромых или заморённых. Но напрасно он об этом беспокоился, кони снова оказались хоть куда. Наверное, все понимают, подумал Маркел, что с царёвым гонцом шутки плохи. И поехал дальше. День был ясный, и слабый морозец, на дороге пусто. Вскоре подъехали ко второму яму, сменились. А дальше вскоре был и третий ям – Сергиев Посад. Там, на ямском дворе, остановились на ночлег. Накормили щедро, как и в подорожной было сказано – сколько чрево вместит. Также и угол для спанья дали самый наилучший, спокойный. Спалось крепко.

Утром разбудили, накормили, дали свежих лошадей, проводника. Поехал. Ехалось опять легко. Заночевал в Переславле, и снова на ямском дворе. Потом также в Ростове, потом в Ярославле и так далее. С каждым днём теплело и теплело, ехать становилось всё несноснее. Маркел начал покрикивать на проводников. Проводники стали злобно позыркивать...

ГЛАВА 6

Но Господь милостив, всё обошлось, и на восьмой день, на день Матроны Солунской, к полудню, только дорога выбралась из леса, Маркел сразу увидел Вологду. Сперва, это ближе к нему, вдоль реки стоял Нижний посад, а дальше, на горе, возвышались каменные стены вологодского кремля. Стены там были высоченные, но недостроенные. Вот какой был государев гнев на Вологду, думал Маркел, снимая шапку и крестясь. Ох, говорили знающие люди, государь тогда был грозен! Ещё бы! Государь же, люди говорят, хотел здесь такую красоту отгрохать, и вон уже сколько всего настроили – стен этих каменных и башен – как в Москве! И уже почти закончили собор, и царский дворец рядом срубили, дворец-лепота... А после царь вдруг в один час собрался и уехал. И с той поры он сюда больше ни ногой! А всё это так и стоит недостроенное, никому не нужное и скоро развалится. Или люди разнесут по кирпичу. А что? Дурак народ!

Проезжая мимо городской заставы, Маркел, не выходя из саней, достал и показал каральным стрельцам свёрнутую в рульку подорожную. Стрельцы убрали бердыши и пропустили сани.

Пока ехали посадом, Маркел, глядя по сторонам, про себя отметил, что народ тут живёт не очень сытно, но, заметно, раньше жил сытней. И то, тут же подумалось, какое здесь тогда было строительство, сколько православных душ согнали. Небось кипело всё! А теперь только тишь да запустение.

Миновав посад, подъехали к кремлю. Там, перед самым рвом, проводник хотел было свернуть направо, к ямскому двору, но Маркел велел ехать прямо. Они переехали через ров по опущенному подъёмному мосту к Пятницкой проезжей башне. Вот тут Маркел уже велел остановиться, вышел из саней и показал подошедшим стрельцам подорожную. Старший стрелец, глянув на титулы государевы, сразу отступил на шаг и спросил, куда Маркелу дальше. Маркел ответил, что тут рядом, до губной избы.

Это и в самом деле оказалось совсем близко – от ворот третья изба налево. И там на крыльце стоял – будто заранее почуял – местный губной староста Чурила Кочергин. Увидев подъезжавшего Маркела, Чурила неподдельно обрадовался и воскликнул:

– Маркел Петрович! Какими судьбами?!

– По твою душу, – ответил Маркел, усмехаясь. – Буду творить розыск. Готовь батоги.

– Горазд ты шутить, Маркел Петрович, – ответил Чурила уже не таким сладким голосом. – Что тут у нас красть? Одну тоску-недолю.

– Посмотрим, посмотрим, – продолжил Маркел, вылезая из саней.

Проводник взял его узлы. Маркел велел нести их в избу и сам пошёл следом. Чурила вертелся вокруг Маркела, спрашивал, с чего начнём. Маркел важно помалкивал. Зашли в избу. Там вскочил с лавки Никишка, губной целовальник.

– Шапку проспишь, – строго сказал Маркел.

Никишка сказал, что винится. Маркел повернулся к проводнику, который уже положил Маркеловы узлы на лавку, и велел, чтобы тот передал ямским, что завтра рано утром кони должны быть здесь, возле крыльца.

– Что, завтра уже обратно? – с надеждой спросил Чурила.

– Там будет видно, – уклончиво ответил Маркел и велел проводнику идти.

Проводник вышел. Маркел снял шапку, бросил её на стол, сам сел на лавку, расстегнулся и тяжело вздохнул. Чурила осмотрел Маркела и с уважением сказал:

– Всего год тебя не видел, а как ты заматерел!

– Москва красит, – ответил Маркел со значением. – А у вас что нового?

– Нового у нас одно старое, – без всякой радости сказал Чурила и, повернувшись к Никишке, махнул рукой. Никишка сразу вышел.

– Не надо этого! – сказал Маркел.

– Как это «не надо»? – удивился Чурила. – Ты с дороги-то небось голодный? А мы нальём! – и подмигнул.

– Я это не люблю! – уже просто строго ответил Маркел. – Я это если только уже после службы. – И спросил: – Что это у вас, и вправду скоро двадцать лет как кремль недостроенный стоит?

– Пятнадцать, – прикинув, ответил Чурила. – Как государь уехал, так стоит. Ещё покойный государь, Иван Васильевич.

– Это понятно.

– Понятно! – в сердцах повторил Чурила. – Тут, брат ты мой, такой шум тогда стоял! И то: чуть государя не убили! Вот что надо было расследовать! А тогда замяли.

– Да знаю я! – сказал Маркел. – Когда приходили собор освящать, плинфа на него сверху упала. Прямо по голове! Злые люди её будто с крыши сбросили. Но никого на крыше не нашли.

– Не нашли! – насмешливо хмыкнул Чурила. – А голов нарубили ого!

– А после что?! – задиристо спросил Маркел.

– А после ничего, – мрачно сказал Чурила. – Уехал государь. И все уехали. А если бы не эта плинфа чёртова, государь бы к нам переселился, он так и хотел, и мы стали бы столицей, а вы, Москва, стали бы глушью, к нам на поклон бы ездили, а мы вам по мор... Эх! – громко, в сердцах сказал Чурила и утёрся. Потом настороженно спросил: – А ты чего вдруг про это дознаваться стал? Что, опять открыли дело? Наново? И ты по нему приехал?

– Нет, – ответил Маркел. – Я по другому. Говорят, сотник Иван Мансуров здесь у вас сидит. Тот самый Мансуров, которого в Сибирь послали, а он самовольно вернулся. Так, нет? Есть здесь такой? Сидит?

– Может, и сидит, – уклончиво ответил Чурила. – А, может, уже и нет. Он же и раньше больше лёживал, чем сиживал. А теперь, может, и вовсе помер.

– Как это помер? – обеспокоился Маркел.

– А очень просто, – ответил Чурила. – Его к нам уже чуть живого привезли. Воевода его как увидел, сразу велел крепко за ним смотреть. Он не жилец, воевода сказал, а с нас после спросят по всей строгости. Он же...

Но Маркел уже не слушал. Встал, взялся за шапку и сказал:

– Ладно, тогда после перекусим. А сперва сведи меня к Мансурову!

Чурила помолчал, посмотрел на Маркела, а после сказал:

– Нет, у нас так не делается. Это у вас в Москве, может, иначе, а у нас всё через боярина решается. Через воеводу нашего.

– Ну так води к воеводе! – уже даже в сердцах велел Маркел.

Чурила поморщился, но промолчал, тоже надел шапку и пошёл к двери. Маркел пошёл следом. Маркел очень спешил, но когда они вышли во двор, он всё-таки ещё поглядывал по сторонам и примечал: вот, справа, недостроенный собор с куполами без крестов, левой его – дворец, на всех окнах закрытые ставни, а ещё левой – богатые палаты на высоком каменном подклете. Они и шли к тем палатам. Там, на крыльце и рядом с ним, внизу, стояли стрельцы с бердышами. Когда Чурила и Маркел к ним подошли, Чурила, кивнув на Маркела, сказал:

– Это наш стряпчий из Москвы, Маркел Петрович.

Маркел полез за пазуху, достал и показал стрельцам небольшой круглый кусок овчины, на лысой стороне которой было выжжено клеймо – царский орёл. Стрельцы сразу расступились. Маркел стал подниматься по крыльцу. Чурила пошёл за ним.

ГЛАВА 7

Наверху, в сенях, Чурила снова заступил вперёд, провёл Маркела на второй этаж и там, в ещё одних сенях, возле двери, при которой стояли стрелы, они остановились, и Маркел ещё раз показал овчинку. Один из стрельцов открыл дверь. Маркел вошёл, снял шапку, поклонился великим обычаем, а когда выпрямился и посмотрел перед собой, то увидел вологодского воеводу, князя Вадбольского Ивана Михайловича. Воевода сидел на мягкой лавке, а сам из себя был не в старых ещё летах, телом пышен, лицом свеж, бородой седоват, глазами быстр. Также быстро осмотрев Маркела, он спросил:

– Чьих будешь?

– Государев я, – просто ответил Маркел. – Стряпчий Разбойного приказа, из Москвы. По службе.

Воевода хмыкнул и выставил руку. Маркел сунул в неё подорожную. Воевода принял её, прочитал и, опять посмотрев на Маркела, спросил:

– А что за служба у тебя такая?

– Из государственной казны пропало три вещи, и я их ищу, – сказал Маркел.

Воевода опять посмотрел в подорожную, удивлённо поднял брови и спросил:

– И их что, уже в Сибирь свезли?

– Может, и так, – сказал Маркел, обратно принимая подорожную, – а может, и нет. Может, они у тебя здесь припрятаны.

– У меня? – недобро удивился воевода.

– Ну, не совсем, чтоб у тебя, – сказал Маркел. – Но, может, где-то рядом. – И сразу спросил: – А это правда, что, как люди говорят, у вас тут сидит... или уже лежит... сотник Иван Мансуров, из Сибири вышедший?

Воевода вместо того, чтобы ответить, перекрестился.

– Что так? – спросил Маркел. – Беда какая-то?

– Да не сказать, чтобы совсем беда, – нехотя ответил воевода. – Просто когда нам привезли его, пса этого, я сразу почуял, что добра нам от него не будет.

– Почему? – спросил Маркел.

– Да потому! – уже в сердцах ответил воевода. – Сам увидишь! – Но тут же спросил: – А что за вещицы такие? И как они вдруг пропали?

– Про то, как они пропали, я пока говорить не могу, – сказал Маркел. – А вещицы такие: шуба, пансырь и сабля. Шуба кармазиновая на песках, цена ей сто рублей, пансырь немецкий, пятьдесят, и сабля турецкая за семьдесят. Шуба – камка червчатая, чешуйчатая, кружево и петли немецкое золото с серебром...

Ну и так далее. То есть Маркел, пока всё не назвал, не замолчал. Воевода подумал, ответил:

– Нет, вряд ли. Ничего такого при нашем Мансурове не было. Одни обноски и шуба собачья. И так же все его стрелы такие же. Пришли, глаза на них бы не смотрели! Сейчас хоть немного отъелись.

– А что Мансуров? – спросил Маркел. – Мне сказали, что он помирает.

– А! – махнул рукой воевода. – Его как принесли, он помирал, и так и теперь помирает.

– Что с ним такое?

– Говорят, он сибирского беса убил. А бес не убился! А взял и вселился в него! И теперь его бес корчит.

– А можно с него снять расспрос?

– С беса, что ли?

Маркел не ответил. Воевода кликнул Митрия. Вошёл воеводский дворский. Воевода велел ему проводить Маркела, как он сказал, к этому бесу. Митрий кивнул Маркелу, и они пошли.

ГЛАВА 8

Идти было недалеко – они прошли до рундука, свернули и спустились по лестнице, после опять поднялись и остановились в сенях, в которых крепко пахло луком. О, подумал Маркел, когда увидел связки лука на стене, вот даже как! Митрий подвёл его к двери, перекрестил и велел входить.

Маркел вошёл. Горница была как горница, только и в ней был луков дух, даже, правильной, была уже совсем вонища. Маркел осмотрелся. Мансуров, одетый по-домашнему, лежал, укрытый периной, на лавке. В горнице было довольно светло, поэтому Маркел сразу отметил, что вид у Мансурова очень неважный – лицо худое, борода торчит ключьями, глаза нехорошо блестят. Но всё равно было понятно, что он молодой ещё, может, только чуть старше Маркела. И злобный! Он так злобно и спросил:

– Ты кто такой?

Маркел, слегка поклонившись, ответил:

– Маркел Петров сын Косой, стряпчий Разбойного приказа. По делу.

Мансуров сипло засвистел. То есть хотел что-то сказать, да не смог – и получился только свист – от злости. Тогда он, ещё сильнее разозлившись, махнул рукой и сплюнул. Губы сразу стали красными от крови. Мансуров взял белый платочек, уже весь окровавленный, и промокнул им губы. Не жилец, подумалось Маркелу, чуть позже приди – и не застал бы.

А Мансуров опять засвистел и показал на прикроватный столик. На столике стоял кувшин. Маркел подал кувшин, Мансуров хлебнул из него, вернул Маркелу и сказал уже почти обычным голосом:

– Чёрт бы их побрал, скотов!

– Кого? – переспросил Маркел.

Мансуров только отмахнулся. После, ещё немного полежав, спросил:

– Зачем пожаловал?

Маркел показал овчинку. Мансуров на это только хмыкнул. Тогда Маркел достал целовальный крест, поднял его повыше и сказал:

– Я же говорил: по делу. Теперь назовись!

Мансуров весь скривился и опять закашлялся, и засвистел. Маркел, не опуская креста, сел рядом с Мансуровым на его лавку, потом другой рукой подал ему опять напиток и напоял строгим голосом:

– Назовись, я говорю!

– Иван Алексеев сын Мансуров, сотенный начальный голова по выбору, – нехотя ответил тот опять с присвистом.

Маркел сунул Мансурову крест, Мансуров крест поцеловал и, повторяя за Маркелом, то и дело задыхаясь, побожился, что будет говорить только правду и отвечать как на духу. Но как только Маркел убрал крест, Мансуров тут же, глотая слова, уже неразборчиво прибавил:

– Но это что касаясь разбойных дел. А если разрядных... то я про это буду отвечать только царю... Только он меня послал и только ему... отвечу.

– Это конечно, – бодро подхватил Маркел. – Да и я только про разбойное и буду спрашивать. У нас же тут какое дело: из царской казны пропали три вещицы, ценных, мне велено их отыскать. И вот я ищу.

– Что за вещицы? – сразу же спросил, свистя, Мансуров.

– Шуба, сабля и пансырь, – ответил Маркел.

Мансуров засверкал глазами и сказал злорадно:

– У меня шуба своя. Вон, на сундуке лежит. И сабля у меня своя, ещё отцовская. И также пансырь.

– На тебя никто не говорит, – сказал Маркел. – Я только хотел дознаться, не знаешь ли про них чего, не видел ли. Вещицы все дорогие, приметные. Одно слово: царские! Один раз увидишь, всю жизнь не забудешь.

Сказав это, Маркел замолчал. Ждал, что Мансуров сам что-нибудь спросит. Но тот ничего не спрашивал, а просто смотрел на Маркела. Тогда Маркел спросил такое:

– А что за человек был Ермак Тимофеевич, казацкий атаман? Что ты про него можешь сказать?

Мансуров усмехнулся и ответил:

– А что я скажу? Я его не видел ни живого, ни мёртвого. И при чём здесь Ермак? Что, это он, что ли, чужую шубу украл? И чужой панцирь? И...

Тут Мансуров засмеялся и закашлялся, и засвистел, изо рта опять пошла кровь, он начал её утирать и ещё сильнее закашлялся. Маркел подал ему кувшин, но Мансуров только отмахнулся. Лёг на подушку, утёр губы и сказал:

– Не тот был человек Ермак, чтобы украсть. А вот чтобы силой взять, это другое дело.

– Да на Ермака никто не думает, – сказал Маркел. – Но и шуба, и панцирь, и сабля были его, ермаковские. Царь их ему пожаловал. А после, когда Ермака убили, то шуба и сабля и панцирь пропали. Царские вещицы, представляешь? И их теперь надо найти. Меня за ними послали.

Мансуров долго смотрел на Маркела, а после мотнул головой и сказал:

– Не найдёшь.

– Почему? – спросил Маркел.

– Там сам увидишь, – ответил Мансуров и снова закашлялся, с кровью.

– Где это тебя так? – спросил Маркел.

– А! – отмахнулся Мансуров. – Было одно дело. Но Ермак здесь не при чём.

– А кто при чём?

– Пелымцы.

– А это ещё кто такие?

– Это такой дикий народ сибирский. Все колдуны! И это они мне так наколдовали. Теперь я помру.

Сказав это, Мансуров замолчал, утёр губы платочком и жестом попросил подать кувшин. Маркел подал. Мансуров пил, громко дышал в кувшин. Маркел терпеливо ждал, потом, приняв кувшин, сразу спросил:

– Но как ты попал к пелымцам? Тебя же к Ермаку посылали, в Кашлык.

– Мы и пошли в Кашлык, – злобно ответил Мансуров. – На четырёх стругах и с пушечкой. Да не дошли.

– Почему?

– Не успели, – со свистом ответил Мансуров. – А были уже совсем близко. Уже был виден тот берег, а на нём стены кашлыкские. Они горели. А по реке, от Кашлыка, смотрим, нам навстречу плывут казаки. И кричат, что Ермака убили, у Кучума очень много войска, бежать надо. Ну, мы и повернули, и поплыли обратно. И казаки вместе с нами. Их было два струга.

– И вы все сразу сюда? – спросил Маркел.

– Нет, не сразу, – ответил Мансуров, утирая пот. – Сперва шли вниз по Иртышу, а после свернули на Обь, по Оби ещё прошли... И тут я опомнился! А что! За нами же никто не гонится! Куда, думаю, бежим? Что я в Москве скажу? И говорю: нет, братцы, надо нам остановиться, поставим городок, пошлём гонцов на Русь, за свинцом и порохом, а сами здесь отсидимся. А по весне придёт подмога, и мы опять на Кашлык! – Сказав это, Мансуров помолчал, потом вдруг со злом прибавил: – Бес попутал!

– Почему бес? – спросил Маркел.

– А кто ещё? – хрипло воскликнул Мансуров. – Я же тогда о чём подумал? Что кто я раньше был? Никто! Служил в Калуге сотенным по выбору, и тут вдруг так свезло – в Сибирь воеводой отправили! А я не Ермак, подумал я, я не разбойник, и я своим воли не дам, у меня будет порядок, и царь мне пришлёт свинца и пороха, и я возьму Кашлык, и обратно уже не отдам! И царь пожалует меня Сибирским князем и боярином!..

– И что?

– И уговорил я своих, – опять свистящим голосом заговорил Мансуров. – Остановились мы. Поставили городок, стали собирать запасы.

– И что дальше?

– Я же говорил: пришли пелымцы и околдовали меня. И я помер.

– Какое помер?! Ты же ведь живой!

– Это тебе так только кажется, – сказал, улыбаясь Мансуров. – А внутри я давно покойник.

И замолчал. Опять стал громко, тяжело дышать. Маркел подумал: сейчас он помрёт.

Но нет! Мансуров вдруг опять заговорил, уже отчётливо, без присвистов:

– Да, стал Ермак Сибирью править. А как правил? Кто такой Ермак и кто такие казаки? Разбойники! Вот и пошли они разбойничать дальше – велели, чтобы вся сибирская земля, татары и пелымцы, и остяки, вогулы и все прочие, платили им ясак: меха, еду, питьё, а они только гуляй. И так и гуляли бы дальше, да кончился у них порох. Где ещё пороху взять, думают. В Сибири его нет, есть только у царя в Москве. И царь им не дал. А мне бы дал! И я бы для него Сибирь сберёг! А он...

И Мансуров опять замолчал. Потом, тихо засмеявшись, вновь заговорил:

– Царь Ермаку пороху не дал, а послал воеводу Болховского. У того и порох был, и свинец: по три фунта пороха на каждого и по три фунта свинца. Зато припасов не было! И перемерли все стрелы от голода, а вместе с ними Болховской.

– А казаки не перемерли?

– А зачем? У них припасы были. Но немного. Только на себя.

– А как убили Ермака? – спросил Маркел.

Мансуров помолчал, потом сказал:

– Я этого не видел. А что другие говорят, я в это не верю.

– Почему?

– После сам узнаешь, когда тебе начнут рассказывать, – безо всякой охоты ответил Мансуров. И прибавил: – Давай, я тебе лучше расскажу про то, что видел сам. Покуда я ещё могу рассказывать.

А ведь и верно, подумал Маркел, вон как Мансуров побелел – как снег. И махнул рукой – рассказывай. Мансуров облизнул губы и начал:

– Вот мы сидим у себя в городке, думаем, что делать дальше. Да что думать! У Ермака было войско в пять сотен, у Болховского в семь, и что теперь от них осталось? Почти ничего. Ну и наша одна сотня с одной пушечкой, вот и вся наша сила. А тут пришло этих пелымцев просто страшно глянуть! Надо уходить, все наши говорят. А я молчу и думаю: вам такое говорить легко, а когда вернёмся, кто за всё ответит? Один я! И говорю: давайте здесь сидеть. Городок крепкий, запасов довольно, зиму отсидимся, а весной к нам придёт подмога. Но все как начнут кричать, все как...

И Мансуров опять засвистел, стал красный, начал задыхаться, схватился за грудь. Маркел быстро взял кувшин, намочил мансуровский платочек и начал тереть им ему лоб, виски, щёки. Мансуров затих. Маркел замер. Мансуров облизал губы, сказал чуть слышно:

– Помираю. Дышать нечем.

Маркел разорвал на нём рубаху. И увидел на груди Мансурова большое чёрное пятно.

– Что это? – спросил Маркел.

– Не знаю, – чуть слышно ответил Мансуров. – Само появилось.

– Давно?

– Там, в городке. И стал я помирать. И не стали они меня слушать. Собрались и ушли. И меня унесли. И вот принесли сюда. Что мне теперь говорить, как перед царём показаться?

Маркел смотрел на Мансурова, думал. Потом строго сказал:

– Ты, Иван, крест целовал говорить как на духу. А теперь вдруг запирается начал. Это великий грех!

Мансуров закрыл глаза. Сказал:

– Уйди.

Маркел сидел, не уходил. Мансуров ровно, с присвистом, дышал. Потом стал дышать реже и глубже – это он уснул. Маркел надел шапку, встал и вышел.

ГЛАВА 9

За дверью Маркела ждал Митрий, и они пошли обратно. Митрий ни о чём не заговаривал. Зато когда они вошли к воеводе, тот сразу спросил:

– Что, ничего он не сказал?

– Куда уже там говорить! – невесёлым голосом ответил Маркел. – Там уже попа звать надо.

– И то верно! – сказал воевода. – И я так и думал. Поэтому пока ты там сидел, я велел ещё кое-кого сюда подать. Есть там у них такой Касьян Панкратов, полусотенный голова. Человек серьёзный. Когда Мансуров повредился, Касьян вместо него командовал. Митрий, води его!

Митрий вышел и быстро вернулся, ведя перед собой того Панкратова. Это был рослый, широкий в плечах человек. Вид у него был очень настороженный. Маркел дал Панкратову крест, тот его поцеловал, назвался, побожился говорить как на духу. Тогда Маркел спросил, правда ли, что они, люди Ивана Мансурова, ходили за Камень, в Сибирь. Панкратов ответил, что правда.

– Кто вас туда послал? – спросил Маркел.

– Государь царь великий князь Фёдор Иванович, – ответил Панкратов.

– А кто велел идти обратно? – тотчас же спросил Маркел.

– Наш сотенный голова Иван Мансуров, – тоже сразу, без запинки ответил Панкратов.

Маркел помолчал и продолжил:

– А Мансуров говорит, что он тогда был без памяти, и это без него решили.

– Как же это без него?! – громко спросил Панкратов. – Он же и велел идти, когда мы ермаковских встретили.

– Где встретили? И как?

– Ну, – замотал головою Панкратов, – мы тогда все вместе шли, всей сотней, на четырёх стругах, Мансуров на первом. И уже почти дошли, уже Кашлык был виден на горе, как вдруг видим: по реке, по Иртышу, к нам ещё наши струги идут, от Кашлыка, казацкие. Мы с ними сошлись и они говорят, что Ермака убили и что Кучум к Кашлыку подошёл, у Кучума несметное войско, что делать. Вот тогда Мансуров и велел всем разворачиваться и идти на Обь, на север, а там, сказал, сойдём на берег, пройдем через Камень на Печору – и домой. И мы пошли, пока что погребли, конечно.

– Куда?

– На Обь. На север. Туда татары не доходят. А мы догребли. Мы, государевы стрельцы, вся наша сотня, и ермаковы казаки, которые живы остались.

– А как убили Ермака?

– Я этого не знаю, нет! – сразу же сказал Панкратов. – А так казаки разное тогда болтали. Но что я теперь буду повторять то, чего сам не видел? Это надо у них спрашивать, у казаков, но сначала привести к кресту, чтоб не кривили.

– А где они сейчас, казаки эти?

– Остались в Устюге. Надо туда ехать и спросить.

Маркел молчал, думал. Тогда Панкратов сам продолжил:

– И вот мы пришли на Обь, а уже стало холодать, и мы стали говорить, что не дойдём до Печоры, не успеем. Тогда Мансуров велел остановиться, ставить городок. И мы поставили. Даже ещё до конца не доставили, как вдруг пришли пелымцы. Это такой дикий народ...

– Я это знаю! – перебил Маркел. – А дальше?

– И вот их пришло просто тьма, обложили нас со всех сторон, и стали жечь огонь, песни петь, плясать и своему болвану кланяться.

– Что ещё за болван такой? – спросил Маркел.

– Ихний бес, – охотно пояснил Панкратов. – Деревянный, позолоченный. Они сначала ему просто кланялись и губы ему кровью мазали, а после посадили его на высоченную жердину, может, десяти сажень, и он стал оттуда сверху кликать. Вот так уробно голосить!

И Панкратов начал подражать болвану, получилось очень гадко. Маркел махнул рукой, чтобы Панкратов замолчал, потом спросил:

– А вы что?

– А что мы?! – развёл руками Панкратов. – Крепко оробели, если сказать правду. Ещё бы! Такая зараза! И так дико орёт! И если бы они тогда сразу на нас пошли, так и побили бы. Но тут Мансуров повелел выставить на стену нашу пушечку. Выставили. Велел зарядить. Зарядили. Велел навести. Навели. Велел... Но тут уже никто не шелохнулся, боязно. Тогда он взял запал, сам ткнул – и как долбануло по тому болвану, так от него только щепки полетели! Золочёные. Ту жердину тоже в щепки. И пелымцы бежать кто куда. Мы, у кого ещё был порох, по ним из пищалей стрельнули, ещё там-сям кое-кого прибили, а остальные сбежали. И больше мы их там не видели.

– И вы решили там остаться, – подсказал Маркел.

– Нет, ни боже мой, ни в коем случае! – поспешно продолжал Панкратов. – Мансуров-то стал помирать, задыхаться! Будто ему железным сапогом грудь отдавили. Это болван ему так отомстил. И вот лежит наш сотенный начальный голова, кряхтит, кровью харкает. Потом ещё один наш начал харкать, потом ещё один... И мы сошлись на круг и порешили уходить совсем. И ушли, и Мансурова с собой забрали. Вот тут он уже и вправду ничего не говорил и не прикидывал. Принесли его сюда уже совсем чуть живого. Вот как тогда было. А он как говорит?

– И он примерно так же, – ответил Маркел. И продолжил: – И вот что ещё хочу узнать. Были у атамана Ермака три знатные вещицы, их ему царь пожаловал – это шуба, очень дорогая, чешуйчатая, кармазиновая, лёгкая, сабля в золочёных ножнах и пансырь немецкой работы, пятикопчатый. Слыхал ли ты что про такое?

– Нет, про такое ничего не слыхал, – уверенно ответил Панкратов. – Мы же Ермака не видели, и его пожитков тоже. Про это надо у его казаков, которые после него остались, спрашивать, а они, как я уже сказал, все в Устюге сидят.

– Зачем? – спросил Маркел.

– А чего им здесь, в Вологде, делать? А в Москве тем более. Они же народ гулящий. Одни из них, знаю, из Устюга собирались обратно на Волгу идти, откуда их Ермак привёл, а другие думают опять подаваться в Сибирь. Так что если хочешь их о чём-то расспросить, тебе нужно в Устюг поспешать.

– Это я ещё подумаю, – сказал Маркел.

И, обернувшись к Митрию, махнул рукой. Митрий повёл Панкратова к двери. Маркел стоял посреди горницы, молчал. Воевода пожевал губами и спросил, что Маркел делает дальше. А что тут думать, ответил Маркел, тут думать уже нечего, а нужно ехать в Устюг. Воевода просветлел лицом, но для верности ещё спросил, когда Маркел уезжает. Маркел сказал, что завтра утром и что с ямским двором всё уже оговорено. Не нужно ли чего в дорогу, спросил воевода. Нет, у него всё есть, сказал Маркел, поклонился великим обычаем, развернулся, надел шапку и вышел.

Во дворе уже смеркалось. Маркел, сошёл по лестнице, шумно вздохнул и глянул дальше, в сторону, на заколоченный царский дворец, на недостроенный храм без крестов... Развернулся и пошёл обратно, туда, где на крыльце губной избы его ждал Чурила. Вид у Маркела был, наверное, очень угрюмый, потому что когда он входил в избу, Чурила ничего не стал у него спрашивать, а только прошёл вперёд и указал на стол. На столе было всего полно, как говорится, но Чурила всё равно развёл руками и сказал:

– Остыло малость.

– В брюхе согрется, – строго сказал Маркел, садясь к столу.

А Чуриле не велел садиться, и тот стоял при нём как челядин. Маркел ел не спеша, без охоты. Хмурился. Чурила, осмелев, присел с краю стола, спросил, видел ли он Мансурова. Но Маркел только рукой махнул и опять взялся за еду. Чурила смотрел на него. Маркел, заметив это, кивнул на бутыль. Чурила налил в два шкалика. Они выпили, Маркел утёрся, а Чурила весело сверкнул глазами и скороговоркой зачастил, что он хорошо помнит, какое было славное винишко хлебное, которым их в Москве Маркел Петрович потчевал.

– Ладно, ладно, – перебил его Маркел. – Мне завтра в дорогу. Я прилягу.

Чурила сразу встал, кликнул Никишку и велел стелить. Никишка быстро постелил прямо на лавке при столе. После Чурила с Никишкой ушли, Маркел с большего разделся, лёг, повернулся к лампадке, мелко перекрестился и подумал, что, по-хорошему, надо было бы завтра опять прийти к Мансурову да и сказать ему, что он после креста кривил, а это великий грех, и пригрозить... Но тут же подумалось, а чем грозить, когда с Мансуровым вон что случилось, страшно даже повторить. Так что нечего здесь больше делать, а надо срочно ехать в Устюг, к ермаковым казакам, если он там их ещё застанет. То есть никак нельзя мешкать. С этой мыслью Маркел и заснул.

Снился ему болван пелымский, не давал покоя. Маркел несколько раз просыпался, крепился, опять засыпал.

ГЛАВА 10

Утром Маркел проснулся от того, что услышал, как фыркает лошадь. Маркел сел на лавке и прислушался. Лошадь стояла совсем близко, прямо под окном, и фыркала. Это, подумалось, ему уже подали сани, как он и велел, пораньше. Маркел встал, кликнул Никишку и велел накрыть на стол. Никишка быстро накрыл.

Маркел неспешно ел и думал, ходить или не ходить к Мансурову, срамить его или не срамить. Доел и подумал: не срамить. Встал, быстро собрался, вышел на крыльцо. Лошадь стояла тут же, рядом. Чурила совал в сани узел. Увидев Маркела, засмеялся и сказал, что это чтобы в дороге не мёрзнуть. Маркел махнул рукой, сошёл с крыльца...

И вдруг ему очень захотел обернуться. А когда обернулся, увидел, что возле воеводских палат, сбоку, толкуются стрельцы.

– Что это там? – спросил Маркел настороженно.

– А, – нехотя сказал Чурила, – сотник помер. Сейчас будут выносить. Так ты давай, давай скорей! А то переедут путь – и не доедешь потом никогда. А ему чем уже помочь? Ничем.

Маркел согласен кивнул, снял шапку и перекрестился, сел в сани и велел трогать. Проводник погнал коней.

До Устюга дорога была дальняя и всё вдоль реки – сперва вдоль Вологды, потом вдоль Сухоны. Возле Тотмы переехали на левый берег, после опять на правый, и так дальше по нему и ехали. А дни становились всё длинней, солнце светило всё теплей, сугробы стали падать, потом потекли. Дорога превратилась в месиво, сани то и дело застревали или даже оборачивались, проводники ругались на чём свет стоит, жалели лошадей. Лошади, чуя такое, ленились. Маркел три дня терпел, после не выдержал, достал заветный кожаный кошель и начал одаривать проводников – по алтыну, по пятаку, а то и поболее. Дело стало понемногу спориться и, на шестой день, на Преподобного Тита Чудотворца, к вечеру, когда уже начало смеркаться, Маркел наконец увидел купола и стены Устюга. Вот только Маркел стоял, как было уже сказано, на правом берегу Сухоны, а Устюг – на левом. Лёд на перевозе был уже совсем никудышный, весь в лужах, а кое-где даже в полыньях и трещинах. Проводник сказал, что надо возвращаться, потому что через реку он не поедет ни за какие деньги. Что делать, спросил Маркел. Ждать, когда лёд сойдёт, ответил проводник, и тогда брать лодку. Маркел сказал, что он очень спешит и заплатит. Проводник молчал. Маркел достал кошель и начал отсчитывать деньги. Отсчитав полтину, он остановился. Проводник вздохнул, махнул рукой, велел садиться. Маркел сел обратно в сани. Проводник перекрестился и поехал.

Ехать было очень боязно, сани то оседали, то кренились на бок, лёд под ними нещадно трещал. Проводник остановился и через плечо воскликнул, что надо бы добавить хоть пятиалтынный. Маркел засмеялся и сказал:

– Тогда поворачивай обратно, ничего не дам!

Проводник снял шапку, выругался очень богохульно, матерно, и подстегнул коня.

И обошлось, доехали до берега. Маркел отсчитал проводнику полтину, проводник её с поклоном взял и спросил, куда дальше доставить. Маркел сказал, что в губную избу.

Туда ехать оказалось далеко – сперва через весь Верхний посад, потом через тамошний кремль. Маркел ехал, удивлялся – на городской заставе было пусто, решётки на всех улицах откинута, и даже открытые ворота кремля никто не охранял. Вот там, в воротах, Маркел и не выдержал, сказал:

– Что это у вас такое? Как в казаках!

– Так мы в казаках и живём, – загадочно ответил проводник.

– А воевода где?

– Он ещё в прошлом году помер. А нового пока не прислали.

Маркел больше ничего не спрашивал. Проводник довёз его прямо до крыльца губной избы, вынес узлы и даже постучался в дверь. На стук вышел мрачный невысокий человек и грубым голосом спросил, кто вы такие будете. Маркел молча показал овчинку. Тот человек ещё сильнее помрачнел, но всё же отступил на шаг. Маркел вошёл в избу. Тот человек, было слышно, взял Маркеловы узлы и потащил их за ним следом.

Маркел прошёл через сени в палату. Там на столе горела плошка, на лавке лежали овчины. Наверное, кто-то на них спал и только что с них поднялся. Маркел оглянулся. Тот мрачный человек положил узлы на стол и, обернувшись, окликнул:

– Игнаха!

Вышел Игнаха, крепкий детина, одетый как подьячий. Маркел спросил:

– Вы кто?

– Я – Тимофей Костырин, здешний губной староста, – назвал себя тот мрачный человек, кивнул на Игнаху и прибавил: – А это – Игнат Заяц, губной целовальник.

Тогда и Маркел представился:

– Маркел Петрович Косой, стряпчий Разбойного приказа, из Москвы. По государеву срочному делу.

– А где Трофим Пыжов? – спросил Костырин.

– Трофим Порфирьевич Пыжов умре, – строго сказал Маркел. – Зарезали его. Два года тому назад, Теперь я вместо него.

Костырин широко перекрестился и сказал:

– Земля ему пухом! Ловко ножи метал.

Маркел тоже осенил себя крестом и, помолчав, сказал:

– А у вас, сказали, воеводы нет. Кто же тогда теперь вас держит?

– Держит нас Борис Борисович Бычков, государев думный дьяк, – ответил Костырин. – Но он два дня тому назад уехал в Мезень. Будет через три недели. А ты, может, чего желаешь с дороги?

– Перекусил бы я чего горячего, – сказал Маркел.

Костырин кивнул Игнахе. Тот подступил к печи, начал разгребать уголья, раздувать их. Маркел снял шапку. Костырин спросил:

– А к нам по делу? Или просто так, проездом?

– По делам, – уклончиво сказал Маркел и оглянулся на Игнаху.

Игнаха подал миску тёплых щей. Отрезал хлеба. Налил водки. Маркел спросил:

– А вы чего?

– А мы уже поевшие, – сказал Костырин.

Ладно, подумал Маркел, и чёрт с вами, и принялся есть. Костырин сидел сбоку и молчал. Игнаха стоял возле Костырина. Какое место гадкое, думал Маркел, ни воеводы, ни стрельцов, ни даже царёва дьяка. А где казаки? Спросить, что ли? Но так и не спросил, смолчал, вычерпал две миски щей, выпил четыре шкалика, в голове приятно зашумело, кровь забегала. Зачем, думал Маркел, спрашивать, на хмельную голову ещё чего не так вдруг ляпнешь. И он молчал. Доел, утёрся, крикнул и сказал, что хорошо пошло, теперь можно отдохнуть, а завтра сразу за дела. Костырин опять спросил, за какие.

– Первым делом, – ответил Маркел, – истопите баньку. А там дальше будет видно. А пока бы я прилёг.

Игнаха мигом постелил. Маркел сел разуваться и напомнил, что завтра надо начать с баньки. А после, когда он остался один, Маркел долго лежал без сна, ему почему-то думалось о том, что Костырин снюхался к казаками и как бы не было от этого какой беды. Но после Маркел как заснул, так и спал до самого утра.

Утром его разбудили, сказали, что баня готова. Баня оказалась тут же, за углом, отдельный вход. Пар был славный, напарился всласть. Вышел, сел, дышать было легко, смотрелось весело. Очень захотелось есть.

Но только он взялся за ложку, как вдруг вошёл Костырин и сказал, что его, Маркела, Матвей спрашивает. Какой ещё Матвей, спросил Маркел, а у самого внутри всё ёкнуло. И неспроста, потому что Костырин ответил:

– Мещеряк, какой ещё Матвей. Атаман Сибирский.

– Сибирский атаман – Ермак, – сказал Маркел.

– Был Ермак, а после весь вышел, – не без насмешки ответил Костырин. – Как убили Ермака, казаки сошлись на круг и кликнули Мещеряка вместо него. И вот этот Мещеряк их из Сибири вывел.

– Вывел Мансуров, – поправил Маркел.

– Га! Мансуров вывел! – скривился Костырин. – Да его самого чуть вынесли. А тех, кто его выносил, вёл Мещеряк. И он, атаман Сибирский Мещеряк, теперь, со своими людьми, здесь, в Угличе, сидит и про тебя спрашивает. Что это, говорит, за козявка объявилась здесь такая – Маркелка-стряпчий из Москвы.

– Не Маркелка, а Маркел Петрович, – без всякой обиды ответил Маркел. – И что тут ему спрашивать? Пускай приходит, и поговорим ладком. Или робеет атаман, что не идёт?

– Да ты знаешь...

– Знаю, – перебил Маркел. – И потому ещё раз говорю: пускай приходит. Иди и передай ему: Маркел Петрович ждёт.

– Ну, москва, смотри, потом не обижайся! – в запале воскликнул Костырин и вышел.

Маркел встал и заходил по палате. После сел. После снова встал и заходил. После опять сел и даже немного развалился, и принялся ждать.

ГЛАВА 11

Ждать пришлось долго. Но вот, наконец, во дворе послышались шаги, потом простучали каблуки по крыльцу, после в сенях. Затем распахнулась дверь, и вошёл атаман Мещеряк. Был он высокий, чернобородый, в широкой соболиной шубе, мех на ней так и сверкал, переливался, а сбоку, на серебряном наборном поясе висела сабля – дорогушая. Маркел засмотрелся на неё, залюбовался и даже подумал, не та ли это сабля ермаковская, но тут же понял – нет, не та, у той серебряные ножны, хоз чеканен и огнивец золочёное, а тут... Вдруг Мещеряк громко сказал:

– Так это ты и есть тот из Разбойного приказа, из Москвы?

– А что? – спросил Маркел.

– Сопля какая!

Маркел усмехнулся и опять спросил:

– Лаяться пришёл? Или по делу?

И при этом встал и легонько тряхнул рукавом, кистень в рукаве заёрзал. Мещеряк, будто это учуяв, не стал выступать вперёд, как собирался, а так и оставшись у двери, прибавил:

– Ты что, так и будешь меня при пороге держать?

Маркел широко провёл рукой и пригласил:

– Проходи, садись под иконы. Желанным гостем будешь.

– А если я некрещённый?

– Окрестим.

– А ты языкастый, москва, но мы и не такие языки...

Но дальше Мещеряк не досказал, а повернулся к иконам, перекрестился, поклонился в пояс, прошёл и сел в красном углу, снял шапку, тоже соболиную, положил её на стол и предложил:

– И ты садись. На царской службе ещё настоишься.

Маркел усмехнулся, сел напротив, спросил:

– А ты царю не служишь?

– Нет, – с достоинством ответил Мещеряк. – Нам, вольным людям, этого нельзя – служить. И также и отцы, и деды наши не служили. Когда покойный государь Иван Васильевич на Казань выступил, он нас к себе на подмогу позвал. И мы откликнулись, пришли. Но крест царю не целовали! За Божью правду мы ходили, вот как! И за неё и бились. Так с той поры и повелось. Так и теперь в Сибирь ходили, против агарян нечистых. Но агаряне нас... того. Перехитрили, нехристи. Ермак Тимофеевич поверил им – и они его убили.

Сказав это, Мещеряк громко вздохнул. Маркел тут же спросил:

– Как убили?

– А тебе это зачем? – с подозрением спросил Мещеряк.

– Ну как это?! – сказал Маркел. – Я же из Разбойного приказа, как тебе уже сказали. Вот я и хочу знать, не было ли там какого злодейства.

– А если было бы, тогда ты что, открыл бы дело? – уже очень грозно спросил Мещеряк. – И привёл всех нас к кресту, и начал допрашивать? За языки тянуть! На дыбу поднимать! Так, что ли?

– Зачем за языки? Вы сами бы сказали.

– Сами! Знаю я, как это делается! Пять лет тому назад взяли меня твои товарищи. Чуть вырвался!

– Где взяли? Кто?

– А зачем тебе это? Хочешь опять открыть то дело? Верёвками меня перетереть? Скотина!

И Мещеряк поднялся над столом, воздел над Маркелом руки и застыл. Думал, наверное, что тот перепугается...

Но Маркел на это только усмехнулся и ответил:

– Нет, не стану я то дело открывать. Мне и своего дела хватает. Да и оно, прямо сказать, не столько моё, сколько ваше.

– Какое ещё наше дело? – настороженно спросил Мещеряк.

– Да про крадѣж, – сказал Маркел. – Пропали три вещицы в вашем войске. У вас татьба среди своих, а вы и в ус не дуете.

Сказав это, Маркел сглотнул слюну и продолжал сидеть на месте. Мещеряк, не опуская рук, стоял над ним. И думал. Потом, опустив руки, спросил:

– Что ещё за крадѣж? Чего мелешь?

– Мелю то, что мне было рассказано, – сказал Маркел. – Что обобрали Ермака, уже убитого, вот что!

– Кто это сказал?

– Князь Семѣн Михайлович Лобанов-Ростовский, судья Разбойного приказа. Сказал под крестом! И побожился!

– Ну-у... – протянул Мещеряк. – А что украли? Кто крал? И когда?

– Кто и когда, я этого ещё не знаю. А вот что украли, это я могу прямо сейчас сказать.

– Скажи!

– А ты поначалу побожись, что после будешь отвечать как на духу!

– Так а зачем мне божиться? Я, когда говорю, никогда не кривлю. Или ты, червь, мне не веришь?

Маркел подумал и ответил:

– Верю.

– Тогда называй, что украли.

– Шубу, пансырь и саблю, – ответил Маркел.

Мещеряк молчал. Маркел прибавил:

– Сабля на твою похожа, но не та.

– Спаси Бог тебя за это, что не та, – насмешливо ответил Мещеряк. – Пансырей я не ношу. А шуба как?

– Нет, шуба тоже не та.

– А та какая была?

– Кармазином крытая. На чёрных черевах песцовых.

Мещеряк подумал и сказал:

– Нет, такой я у него не видывал.

– А какие видывал?

– Ты что, – грозно спросил Мещеряк, – с меня допрос вздумал снимать?

– Да я только так спросил!

– Знаем мы ваши «только так»! Наслушались. Да и какое твоё дело, кто из наших что украл и у кого? Это уже наше дело. И наш суд! А вы в наше ни во что не лезьте! Как на Казань идти, так милости прошу, а как пропала шуба, так сразу на дыбу! Да что шуба! Тьфу! Разве я запоминал, сколько у кого из наших было шуб, а у Ермака тем более! Или я их что, считал? Может, у него их было не одна, а три, пять шуб! Да какое мне тогда было до его шуб дело?!

Маркел помолчав, сказал:

– А зря. То была особенная шуба. Ему её царь передал. Через посольство. Которое от вас к нам в Москву ездило, к царю. Ну! Вспомнил?

Мещеряк нахмурившись, молчал. Потом сказал:

– Нет, это всё же наше дело. Я пойду к своим и расскажу, что здесь от тебя услышал. А потом вернусь. И помилуй тебя Бог, москва, чтобы это был не оговор – это я про те твои

слова, что будто мы у Ермака шубу украли. Сам вот этой вот рукой, смотри, снесу тебе голову, собака! А пока сиди и никуда не выходи. Ну, только если по нужде за угол, понял?

Маркел вместо ответа только хмыкнул. Мещеряк поправил шапку, зыркнул – очень злобно, – развернулся и ушёл.

ГЛАВА 12

Оставшись один, Маркел долго сидел неподвижно и вспоминал свой разговор с Мещеряком, думал, не сказал ли чего лишнего и не прослушал ли чего важного. Получалось, будто нет. А что тогда, подумал, будет дальше? Да ничего хорошего, потому что власти сейчас в Устьюге нет никакой – воевода помер, государев дьяк в отъезде, всем заправляет Мещеряк, и от него же жди суда. Тьфу! Пропади оно всё пропадом! Маркел кликнул Игнаху, потом Костырина, но ни тот, ни другой не отозвался. Маркел вышел на крыльцо и там остановился. День был весенний, тёплый, с крыши капало, двор был весь в грязи вперемешку со снегом, по двору туда-сюда ходили какие-то люди. Чёрт их знает, что им здесь нужно, сердито подумал Маркел, но, помня атамановы слова, с крыльца сходить не стал, а постоял, подышал свежим весенним воздухом и вернулся обратно в избу.

Там он лёг на лавку и лежал, думал, куда пропали Игнаха и Костырин, почему не подали обед, на месте ли кистень... Проверил – на месте, в рукаве. Тогда он снял шапку, подложил под голову, закрыл глаза и подумал, что как только закроет, к нему сразу войдут.

Но никто всё не входил и не входил. Маркел отлежал бок, лёжа на голой лавке, надо было бы, он думал, перелечь напротив, туда, где овчины, там мягче...

Но так, на твёрдом, и заснул. И спал долго, потому что когда проснулся, время было, судя по солнечным пятнам на полу, далеко за полдень. И на крыльцо кто-то всходил. Всходили двое! Маркел вскочил, надел шапку и сел.

Открылась дверь и вошёл Мещеряк, а с ним молодой ещё казак, тоже в богатой шубе и с дорожкой саблей. Мещеряк, показав на Маркела, сказал:

– Вот, погляди, это Маркелка, стряпчий из Москвы. А это, – продолжал Мещеряк, кивая уже на казака, – наш первый есаул Черкас Александров.

Ага, Черкас, тут же вспомнил Маркел Филькины слова, Черкас был в том ермаковском посольстве к царю и знает про царские дары, вот почему он здесь!

Атаман и есаул прошли к столу и сели. Маркел смотрел на них, молчал.

– Ты у него спрашивай, спрашивай, – сказал Мещеряк Маркелу и указал на Черкаса. – Ты спрашивай, а я послушаю и рассужу.

А, подумал Маркел, значит, ты пока ещё не знаешь, чья возьмёт, и это славно. И заговорил конечно же издалека:

– Я из Разбойного приказа. С розыском про воровство. Ну, или небрежение по службе.

– Какое ещё небрежение?! – сердито удивился Мещеряк. – Ты мне только про крадёж сказывал!

– Дойдём ещё и до крадежа, – сказал Маркел. – Всё по порядку. Так вот. Когда у вас там всё в Сибири сладилося и вы Сибирь покорили, послали вы к царю посольство. Атаман Ермак послал! И ты, Черкас, в том посольстве был за писаря.

Черкас и Мещеряк переглянулись. Маркел с улыбкой продолжил:

– Государю всё известно. А нам уже от государя. Ну да ладно. Так вот, вы прибыли в Москву. И поднесли ясак. Куда вы его подносили?

– В Казённый приказ, – ответил Черкас Александров.

– Сколько было того ясаку?

– Шестьдесят сороков соболей, двадцать черно-бурых лисиц и пятьдесят бобров.

– Расписку вам дали?

Черкас почернел от злости и признался:

– Не давали нам расписки никакой! Мы разве знали? Мы...

– Ладно, – махнул рукой Маркел. – Кому сдавали, помнишь? Окольничему Головину? Или дьяку Емельянову, Семейке?

- Наверное, дьяку, – ответил Черкас. – Мелкий был такой, вертлявый.
- Вот! – кивнул Маркел. – И что дальше? Сдали и поехали обратно?
- Нет, нам велели ждать. Ждали на подворье Чудова монастыря, шесть дней.
- А потом?

– Потом, говорят, одевайтесь во всё лучшее, вас сейчас примут. Мы подумали, что примет царь. Привели нас во дворец, но как-то сбоку. И там в богатой палате нас принял мы сперва не знали кто, ибо он себя не называл, но сидел на очень богатом седалище. И он вот так сидел, а я достал атаманскую грамоту и стал читать: «Царь и великий государь Иван Васильевич...» Но тут этот важный рукой замахал, это место, сказал, пропускай, я же не царь, а только царёв оружничий боярин Бельский всесильный.

- Так и сказал «всесильный»?

– Да, так и сказал. И я, царский титул пропустив, начал читать дальше, что кланяемся мы, всем войском, Сибирским царством, и к государевым стопам его слагаем, а взамен просим пуль, пороха, пищалей, пушек и другого воинского снаряжения сколь доступно много. Бельский на это нахмурился и ответил, что грамота составлена неверно, ибо мы не на торгу, где вот это-де тебе, а ты дай мне взамен того-то. Надо, сказал, было просто поклониться. Надо грамоту переписать! Мы перепугались и ему на это отвечаем: и как нам теперь быть, обратно, что ли, ехать, подписи ставить? Бельский говорит: не надо. Я, он сказал, когда буду читать государю, это место пропущу, согласны вы на это, казаки? Мы сказали, что согласны. Он ответил: тогда ждите. Мы ушли. Ещё десять дней прождали, монахи на нас уже коситься начали, что объедаем их... И тут зовут нас в архиерейскую келью. Приходим, а там Бельский с архиереем. Бельский сразу: радуйтесь, казаки, государь вашу грамоту выслушал и велел вас всех отблагодарить за службу. И вот от него дары. И тут вносят сундук. Это, Бельский говорит, от государя вашему атаману. Открываем сундук, видим: там сабля и пансырь.

Маркел не удержался и спросил:

- А шуба?
- Про шубу погоди! – ответил Мещеряк. – Будет тебе ещё про шубу! Продолжай!

Черкас продолжил:

– Мы на саблю и на пансырь поглядели, говорим: а где порох, где свинец, где пушка? Бельский: это также не забыто. Государь посылает вам на подмогу войско воеводы Болховского, там будут и пушки, и порох, и всё остальное. Езжайте в Сибирь и порадуйте своего атамана, что скоро ему будет облегчение. И мы что? С кем спорить? Забрали саблю да пансырь и уехали.

- А шуба где? – опять спросил Маркел.

– Не было там никакой шубы! – со злостью ответил Черкас. – Такой, как ты сказал, с черевьями песцовыми, крытой, у Ермака отродясь не было! – и даже перекрестился, чтобы было больше крепости в его словах.

Маркел глянул на Мещеряка. Тот положил руку на черен сабли. Маркел опять повернулся к Черкасу и продолжил:

– Но как так! Я сам в книге читал: шуба камка черевчатая, кармазин, чешуйчатая, кружево и петли немецкое золото, четыре пуговицы дорожные...

– Нет! – громко сказал Черкас и даже ударил кулаком об стол. – Не было у Ермака такой бесовской шубы! Он, что ли, девка продажная, чтобы так рядиться?! У него одна шуба была, медвежья, широченная! Нагольная! Надёжная! Не веришь, покажу!

- Как «покажу»?

– А так! Айда прямо сейчас ко мне, в Пёсю слободу, я сейчас там стою, у купца Лёпёхина угол снимаю, и там всё ермаковское добро лежит, и шуба там, медвежья! А этого баловства, на песцовых черевах, нет и не было! Хоть всё наше войско опроси. Нет такой шубы кармазиновой!

Маркел смотрел на Черкаса и обескураженно молчал. Мещеряк, усмехаясь, сказал:

– Вот где надо воровство искать – в Казённом приказе, в Москве. Зажилили шубу, скоты! А ты, дурень, попёрся в Устюг, к честным казакам.

Маркел сглотнул слюну и ответил:

– Но ведь есть ещё и сабля, и пансырь. Они где?

Черкас от спеси аж зарделся и спросил:

– Какая сабля? Какой пансырь?!

Маркел, облизнув губы, начал называть:

– Сабля турецкая, булатная, по обе стороны от черена до елмана золотом наведена, а в навод слова татарские и травы золотом. Ножны и черен хоз..

И дальше, дальше продолжал. Черкас молчал. Маркел, досказав про саблю, начал говорить про пансырь:

– Пансырь немецкий, сбитый в пять колец... – И дальше.

Когда закончил, глянул на Черкаса. Черкас нехотя признал:

– Были у него такие, да.

– А где они сейчас? – спросил Маркел.

Черкас посмотрел на Мещеряка. Но Мещеряк тоже молчал. Тогда Маркел во весь голос спросил:

– Так где они? Кто их украл?

Черкас вздохнул и нехотя ответил:

– Может, их и не украл никто.

А Мещеряк прибавил:

– Может, их с него, как добычу, уже с убитого сняли.

– Кто снял?

– Мы не знаем, – ответил Черкас. – Нас с ним тогда рядом не было.

– А где вы были?

Мещеряк утёрся и сказал:

– Когда Ермак в тот поход уходил, он на меня Кашлык оставил. И всё войсковое хозяйство. Уходил, на нём был этот пансырь, и с ним эта сабля. А что дальше было с ними, мы не видели.

– А кто видел?

– Василий Шуянин, второй наш есаул. Он с Ермаком тогда пошёл, в тот поход, за ясаком.

– А где тот Василий Шуянин сейчас?

– В Сибири, где ещё. И с ним сорок наших казаков. Они ещё зимой туда от нас поворотили. И вот у них надо спрашивать. Пойдёшь к ним в Сибирь?

– Пойду, – ответил Маркел. Подумал и опять спросил: – А шуба где?

– Ту шубу ищи в казне, – насмешливо ответил Мещеряк. – А Ермакову можешь у Черкаса глянуть. Хоть сейчас.

Маркел помолчал, ответил:

– Нет, мне сперва нужно подумать.

– Ну, подумай. А надумаешь, айда к нам в Пёсю слободу. Мы сейчас там стоим. Пока на Волгу не ушли.

Сказав это, Мещеряк поднялся, за ним поднялся и Черкас, они надели шапки, развернулись и вышли.

Маркел сидел, смотрел в окно, как там садилось солнце, и не шевелился. Пришёл Игнаха и принёс горячего. Маркел поел, а водку пить не стал, лёг на лавку и ещё крепче задумался. Вот почему, он думал, князь Семён на пансырь да на саблю нажимал – потому что тогда уже чувствовал, что в Сибири шубы не найти. Да и найти ли остальное? Где она, та Сибирь, и как туда попасть? Он же думал, что пойдёт вместе с казаками, князь Семён же говорил... А Мещеряк сказал, что они уже ушли с этим Шуяниным. Так теперь что, Маркелу одному, что ли, идти? Да

никуда он один не дойдёт! Да он даже дорогу не спросит, он же понимает только по-татарски, и то через пень-колоду, а по-пелымски вообще ни слова. И кто там ещё? Вогулы, остяки, зыряне, самоеды... Но зато если решиться да сходить, сыскать те две вещицы, принести их князю да сказать, то, может, он в чём пособит. А в чём, опасливо подумалось, пособить нужно только в одном – извести Гурия Корнеевича, и тогда можно вести Параску под венец, Нюську назвать дочкой, накрыть длиннющий стол и пригласить всех...

Нет, тут же подумал Маркел, так не по-христиански, а по-христиански вот как: выпала тебе судьба идти в Сибирь и там сложить свои кости, так что поделать, надобно идти. Но идти смело, с кистенём, и тогда, может, не ты, а кто-нибудь другой свои кости там сложит, а ты вернёшься в Москву, принесёшь чудо-камень манит...

Ну и так далее. Эх, маета! Маркел поднялся, сел на лавке и подумал, что чему быть, того не миновать, тогда о чём печалиться, и снова лёг, завернулся в овчины и заснул. Снился ему чёрный человек, он сидел к нему спиной и грыз огурец, грыз очень громко, но Маркел не просыпался.

ГЛАВА 13

Утром Маркел только проснулся, как пришёл Игнаха и принёс поесть. Маркел позавтракал. Пришёл Костырин. Маркел сказал, что ему надо в Пёсю слободу к купцу Лепёхину, и сразу спросил, знает ли он такого. Костырин сказал, что как не знать, и усмехнулся. Маркел оделся, и они пошли – вначале из кремля на посад, а потом и вовсе за городские ворота к небольшой невзрачной деревеньке, на краю которой стоял кабацкий двор. Костырин повернул к нему.

– Ты куда это?! – сердито воскликнул Маркел.

– К Лепёхину, как было велено, – сказал Костырин. – Кабак у нас держит Лепёхин. Тебе его надо самого?

– Нет, мне нужен есаул Черкас, который у него угол снимает.

– Так и надо было сразу говорить! – сказал Костырин.

Зайдя на кабацкий двор, они прошли мимо крыльца, зашли за угол, и там Маркел увидел лестницу наверх, на гульбище. Маркел подумал и сказал Костырину, что тот может идти обратно, а сам стал подниматься по той лестнице. Там, на гульбище, и вправду была дверь, Маркел толкнул её. Дверь со скрипом отворилась. Маркел вошёл в ту темноту, прошёл на ощупь несколько шагов, уткнулся в ещё одну дверь и постучал в неё. Потом начал стучать настойчивей. За дверью шумно завозились, после её чуть приоткрыли, и Маркел в полумраке увидел Черкаса. Тот был в одной длинной рубахе, заспанный, нечёсанный. Черкас, рассмотрев Маркела, сказал пока что постоять и закрыл дверь. Сразу раздался недовольный бабий крик, после ещё раз. Черкас, было слышно, прицкнул на бабу. В ответ что-то грохнуло, и стало тихо.

Маркел ещё немного подождал, дверь снова отворилась. Черкас, уже расчёсанный, в портах и даже в сапогах, кивком пригласил входить. Маркел вошёл. Все окна в горнице были завешены, и оттого было темно. Дух стоял тяжёлый, задохнувшийся, табачный. И ещё вот что: везде было полно мелко исписанных листков – и на полу, и на столе, на сундуке и на лавках. А вот бабы нигде видно не было.

– Что это? – спросил Маркел, кивая на листки.

– Это наша правда, – строгим голосом сказал Черкас. – Когда всё напишу, тогда спрячу за образа, чтоб они там триста лет пролежали, ну а после пускай люди прочтут, подивятся.

– Чему? – спросил Маркел.

– Чему-чему! – сердито повторил Черкас. – Много чему! Это только у тебя одно на уме – шуба ермаковская. А вот, кстати, и она!

Черкас шагнул к сундуку, открыл его, листки с крышки разлетелись, Черкас потянул шубу за подол и вытащил. Шуба оказалась длинная и широченная, медвежья, мех наружу и мех внутрь, двойная.

– Вот каков был Ермак! – сказал Черкас, бросая шубу на стол. – Сам как медведь, здоровенный. А всё равно убили.

– Как убили? – тотчас же спросил Маркел.

Черкас, будто не расслышав, посмотрел на шубу и прибавил:

– Кому её теперь отдавать? Кто его родня, мы же не знаем, он про это никогда не говорил. Да и осталось от него кроме шубы ещё только три серебряных чарочки. – Черкас опять полез в сундук. – Вот эти.

И поставил чарочки на стол. Чарочки были как чарочки. Черкас сказал:

– Они у него ещё с Волги. Мы из них там пили, когда именитые гости Строгановы позвали нас к себе оборонять их от сибирцев. Сибирцы на них каждый год ходили, грабили. И вот Строгановы и говорят: помогите нам, единоверцам вашим, от агарян отбиться, за благодарностью не постоим. И мы пошли к ним. И отбились бы. Но Ермак, он не такой был, чтобы отби-

ваться, а он чтобы первым бить! И говорит: давайте, казаки, сами пойдём в Сибирь и там их на корню побьём! Чтоб больше неповадно было! Ну и пошли, и побили. Взяли разного добра не меряно. Но как теперь идти обратно, думаем, ведь потеряем это всё! У нас же ни свинца уже почти что не осталось, ни пороха, и людей мы сильно положили, поистратили. Да и зима уже, все реки стали. Тогда Ермак и говорит: езжай, брат Черкас, на Русь обратно, тайно, ты же у нас самый вёрткий, заезжай в Москву, прямо к царю, и там обещай ему что хочешь, чтобы только он дал нам взамен пороху и пуль, и пищалей, и пушек, и ещё нашим братьям-казакам с Волги пусть дал бы до нас тайной тропочкой пройти в подмогу. Но царь...

И Черкас замолчал. Маркел усмехнулся и сказал:

– Но царь не дурак, так, да?

– Ну, – тоже с усмешкой продолжил Черкас, – царь свою службу знает. И кто мы такие, тоже. И не дал. А даже наоборот, послал к нам войско для присмотра. Вот этим он и пороха не пожалел, и пушек, и свинца – всего. Только ума не дал! Поэтому когда они пришли, воевода князь Болховской их привёл, семь сотен стрельцов, а нас тогда было уже вдвое меньше... И вот они пришли к нам в град Кашлык, бывший Кучумов стольный град, и говорят: ставьте нас на постой, кормите нас! Они же царские люди, а мы кто? Но Ермак им ни слова не сказал, а только велел нам выходить, со всеми нашими припасами, и мы, все казаки, собрались, из Кашлыка вышли, встали на Карачином острове, и там перезимовали. Ох, люто было! Как звери, в землянках жили, на ветру и без острожных стен, а выжили! А стрельцы, что в Кашлыке остались, перемерли с голоду почти что все, и с ними Болховской. Те, которые из них в живых остались, сразу по весне прислали к нам гонцов и просят: братцы-товариство, идите к нам в Кашлык обратно, у нас и пороху, и пуль навалом, всё вам отдадим, только примите нас к себе, под свою руку! И Ермак велел принять, и мы опять вошли в Кашлык. Вот так!

Черкас вздохнул и посмотрел на Маркела. Маркел спросил:

– А дальше что?

– Что-что! – сердито повторил Черкас. – Разлюбили нас сибирцы. Это же только с самого начала, когда мы только к ним пришли и прогнали Кучума, они нам в пояс кланялись от радости, а после, чем дальше, тем больше, стали они хитрить, бегать от нас. Татары бегали в степь, а остяки и вогулы в тайгу. Тайга – это дремучий лес, и там поди их отыщи! Да и только сунешься искать, а они тебя заманят и убьют. Много так наших перебили. Если только атаманов посчитать: Никита Пан, Брызга, Кольцо... Один Мещеряк остался. И тут опять дело к зиме, а у нас снова ни харчей, ни пороху. И вот тут вдруг о бухарцах слух. А бухарцы – богатый народ, сытый, и они с сибирцами испокон веку торговлю вели. Их караваны из Степи каждый год в Сибирь ходили, место там есть такое, ярмарка, Атбаш. Очень хороший торг всегда. И тут, слышим, опять бухарцы караваном на Атбаш идут. От нас до того Атбаша вёрст по реке не так и много. Но места очень глухие, недобрые. Ну да что поделать! И говорит Ермак: надо счастья испытать! Собрался и ушёл на трёх стругах, а нас оставил в Кашлыке. Сидим, ждём неделю, вторую. После приходят два струга, из трёх, кричат: Ермака убили, а мы чуть спаслись! Кучум привёл десять тысяч войска! Что мы могли сделать? Вот...

Черкас замолчал, утёрся. Маркел спросил:

– Как убили?

– Каждый по-своему баял, – ответил Черкас. – Не знаю, где правда. Но ладно. И тут дальше было так, что мы и вправду видим: идут татары по реке, и также идут берегом. А эти наши, те, которые от Ермака спаслись, кричат, что у татар уже два хана: Кучум и Сейдяк, Сейдяк пришёл из Мугольской земли, у него войска совсем несчитано! Да мы и сами это видим. А сколько нас тогда осталось? Всего ничего. И ни пуль, ни пороха. А нас там, в Сибири, может, только потому так все боялись, что у одних нас были пули, а теперь у нас их нет. И Мещеряк сказал: уходим. Мы пошли, и только отошли совсем немного, тут нам навстречу Мансуров со своими. Эх, думаем, да если бы мы раньше это знали, про эту подмогу, так, может, вместе

заперлись в Кашлыке и отбились бы, а так теперь что! Вот как наши тогда думали, Мещеряку веры не стало, и начали все говорить, что это всё из-за него! Поэтому когда Мансуров объявил, что теперь он будет у нас старшим, мы сошлись на круг и крикнули Мансурова, а Мещеряка ссадили. Ох, Мещеряк тогда разгневался! Он и сейчас, если б мог, Мансурова убил бы!

– Теперь не убьёт, – сказал Маркел. – Преставился Мансуров в Вологде.

Черкас перекрестился. После нехотя сказал:

– Только про то, как мы Мещеряка ссадили, ты никому не рассказывай, не надо. Это я, может, спьяну сболтнул, оговорился.

Маркел смотрел на Черкаса, молчал. Черкас ещё подумал и сказал:

– А я тебе за это скажу, нет, даже напишу, где и как Шуянина найти. Это второй наш есаул. Он был с Ермаком на Атбаше, и он всё знает. Лучше его никто тебе про это не расскажет!

– Ну так давай, пиши, – сказал Маркел.

– Нет, я после напишу, – сказал Черкас подумавши. – Я напишу и принесу, не сомневайся. А сам ты ко мне больше не ходи, не надо, ты меня жди у себя, я принесу...

Тут Черкас прислушался и оглянулся. Из угла кто-то всхлипнул по-бабьи. Черкас виновато улыбнулся.

Маркел махнул рукой, сказал, что будет весь день ждать, надел шапку, развернулся и вышел. Выходя за дверь, отчетливо услышал, как Черкас позвал:

– Маланья!..

ГЛАВА 14

Маркел вернулся в губную избу, походил из угла в угол, подумал. Принесли горячего, он пообедал, лёг и опять думал всё о том же – о том, что он услышал от Черкаса. А сам Черкас пока не приходил. Отдохнув после обеда, Маркел опять начал ходить по горнице и думать. Когда ему совсем не думалось, он останавливался и смотрел на иконы. После опять ходил. Намаявшись, присел к столу. Тут же вошёл Костырин и спросил, может, ещё куда надо сходить, кого проведать. Нет, ответил Маркел, никуда не надо. Горько на тебя смотреть, сказал Костырин, прямо извёлся весь, надо тебя развеселить. И постучал ладонью по столу. Вошёл Игнаха, достал стаканчик и кости. Маркел сказал, что он на службе не играет, да и к нему должны прийти.

– Кто должен? – задиристо спросил Костырин. – Может, этот есаул?

Маркел утвердительно кивнул. Зачем он тебе, спросил Костырин. Маркел молчал. Костырин засмеялся и продолжил:

– А я знаю! Тебя за ясаком послали. Ты ищешь ясак.

– Какой ещё ясак? – опасливо спросил Маркел.

– Обыкновенный, сибирский, – ответил Костырин. – Третий ясак, за третий сибирский год. Первый ясак они в Москву отправили, это когда Черкас его возил, второй ясак собрали и свезли после того, как к ним в Сибирь пришёл Болховской со стрельцами. Ну а за третий год, за прошлый, за последний, уже совсем никакого ясака в Москву не было, потому что посылать-то его было уже некому – Болховской помер с голоду, Ермак пропал...

– Как это пропал? – настороженно спросил Маркел.

– А что? А разве не пропал? – дерзко спросил Костырин.

Маркел молчал. Костырин усмехнулся и продолжил:

– Ну, или ещё болтают, будто бы его убили, а кто это видел? Васька Шуянин, атаманский казначей? Так Васька горазд сбrehать и не такое. Да и он должен был сбrehать, потому что при ком был ясак? При нём, при Ваське. А потом ясака вдруг не стало! Так и сам Шуянин где сейчас? Да ты только посмотри! Они все оттуда вышли и сидят здесь, у всех на виду, а Васька только сюда сунулся, понюхался – и сразу обратно нырь в Сибирь. И там затаился. С ясаком!

Маркел молчал. После спросил:

– Ну и что?

– Как что! – строго сказал Костырин. – Воровство! И ты по нему приехал, начал Черкаса спрашивать, а тот упёрся и молчит. Так?

– Нет, не так, – сказал Маркел. – Ясак – это Казённый приказ, это их дело. А я – это Разбойный. Меня послали дознаться, убит ли Ермак, и если убит, то кто его убил, и того убийца, взяв в железа, доставить в Москву.

Костырин смотрел на Маркела, молчал. После сказал задумчиво:

– Вот и опять мы на Шуянина вышли. Он, я сам это слышал, рассказывал, что видел, как Ермака убивали.

– Как убивали? Кто? – сразу же спросил Маркел.

– Про это он рассказывать не стал, – сказал Костырин. – Только сказал, что видел. И перекрестился. Вот его теперь и надо подвести к кресту, и расспросить как следует, с пристрастием!

– Его сперва ещё нужно найти, – сказал Маркел.

– Это конечно! – воскликнул Костырин. – Да только где его теперь...

– Ладно! – перебил его Маркел. – На сегодня хватит. Устал я, голова трещит. Давай это! Где оно?!

Костырин тяжело вздохнул и нехотя кивнул Игнахе. Игнаха боком подошёл к столу, сел с краю и достал стаканчик. Маркел по привычке потёр руки. Игнаха побренчал стаканчиком и бросил. И пошла игра. Они играли долго, дотемна, Маркел проиграл восемь копеек, Костырин восемь выиграл, Игнаха остался при своих. Его и отправили в кабак. Игнаха быстро обернулся, сели выпивать. Маркел пил с оглядкой, то и дело пропускал, Костырин над ним посмеивался, быстро охмелел, опять начал поминать Шуянина и говорить, что тот прибрал ясак. Да и как тут было не прибрать, громко продолжал Костырин, и они, казаки, все такие, и такой же был Ермак...

Ну и так далее. Много чего Костырин говорил, пока водка не кончилась. После Игнаха убрал со стола, Маркел лёг на лавку, Костырин ушёл. Маркел долго не мог заснуть, лежал, думал о разном, гадал, когда придёт Черкас.

Но тот и назавтра не пришёл. Маркел опять играл в кости, проиграл ещё двадцать девять копеек, слушал Костырина, который опять рассказывал о Ермаке и о Кучуме, о Кучумовых сокровищах, которые Ермак спрятал на реке Вагае, на острове, и он туда тогда и ехал, вёз третий сибирский ясак, когда его подкараулили Кучумовы татары, напали на него и его товарищей, и всех перебили ночью сонных, один только казак ушёл...

– А вот Черкас, – сказал Маркел, – говорит, что казаков с Вагая возвратилось тридцать сабель, два струга. И все они видели, как Ермака убивали.

– А чего тогда они, эти тридцать бугаёв, не отбили атамана своего?! – спросил Костырин.

Маркел молчал. Костырин продолжал:

– Чего было смотреть? Спасать надо было атамана! Вот какое надо теперь дело открывать, а ты Черкаса ждёшь. Он тебе расскажет! Га-га-га!

Отсмеявшись, Костырин поднялся, поблагодарил за хлеб, за стол, надел шапку развернулся и ушёл, насмешливо посвистывая. Игнаха ушёл за ним. Маркел лежал на лавке, думал, что Костырин прав. И так, думая, заснул.

Утром, после завтрака, пришёл Черкас. Сказал, что раньше он прийти не мог, был очень занят. Сказал, что они, все казаки, собираются опять идти на Волгу, дорога дальняя, а у них ни стругов, ни харчей, ни зеленых припасов... И сразу же спросил, не передумал ли Маркел идти в Сибирь искать там Василия Шуянина.

– Нет конечно, – ответил Маркел. – Да хоть бы и передумал, никто меня об этом спрашивать не станет, я же царю крест целовал. Я не вольный казак.

Черкас на это усмехнулся, полез за пазуху, достал небольшую грамотку. Маркел взял её, начал читать... И не смог прочесть ни слова, такая она была мудрёная. Маркел посмотрел на Черкаса. Тот сказал:

– Здесь сказано, что я, Иван Александров сын Корсак по прозвищу Черкас, за тебя, подавателя сей грамотки, ручаюсь. И что если ты привезёшь эту грамотку тому, кому надо, то чтоб этот тот кто надо отправил тебя туда, куда ты пожелаешь.

– Кто этот тот кто надо? – спросил Маркел.

– Есаул Шуянин.

– Где мне его найти?

– Здесь, в грамотке, всё сказано.

– Я ничего в ней прочесть не могу.

– А тебе и не надо читать. А ты, как приедешь в Чердынь, поспрашивай добрых людей, они тебя и надоумят.

– А как мне тех добрых людей сыскать?

– А они сразу видны. И скажи, что тебе нужно на Маметкулову тропу и что ты ищешь Шуянина. А станут спрашивать, кто ты такой, покажи им эту грамотку. Но только в руки не давай! Держи в своих руках, не выпускай! И отведут они тебя к нему, в Сибирь. И вот уже только в Сибири дашь ему эту грамотку и скажешь, что ты от Черкаса. Тогда он тебе всё, о чём

спросишь, расскажет. Но сперва тебе нужно попасть в Чердынь. И поскорей! Нам-то что, мы ждём, когда реки вскроются, мы же на стругах пойдём, а тебе что – налегке да посуху!

– Да какое посуху! – сказал Маркел. – Ямские не хотят везти. Говорят, распутица.

– А ты им скажи, что Матвей Евстигнеевич просит.

– Матвей – это Мещеряк?

– Он самый.

Сказав это, Черкас поднялся, взял шапку. Маркел снова посмотрел на грамотку, спросил:

– Что здесь написано?

– Это написано Шуянину, и он поймёт.

Маркел ещё подумал и сказал:

– Я не могу такое брать. Я должен знать, что здесь написано. Я крест на службу царю целовал, а вдруг здесь что против царя замыслено?

– Не хочешь – не бери, – сказал Черкас. – Иди на воеводский двор, жди, когда к вам пришлют воеводу, и тот тебя в Чердынь отправит. А из Чердыни уже сам езжай в Сибирь и сам же там Шуянина ищи. Можно и так, а что!

Маркел молчал. Черкас протянул руку к грамотке. Маркел прижал её к груди и не отдал. Черкас усмехнулся, убрал руку, надел шапку и сказал:

– Вот это верно. Посиди, подумай – и езжай!

Когда Черкас ушёл, Маркел опять начал ходить по горнице и хмуриться. Время от времени он останавливался, разворачивал грамотку, смотрел на мудрёные слова и думал: га, найди добрых людей, на краю света, очень ловко! Но куда деваться?! Некуда! Сам крест на службу целовал, никто тебя не неволил. Была не была! И Маркел сел к столу, позвал Игнаху, тот подал горячего, Маркел начал перекусывать. Пришёл Костырин. Маркел сказал, чтоб тот сходил на ямской двор и там сказал, что Матвей Евстигнеевич просит, чтобы к губной избе подали двух добрых коней с подводой, и живо. Ого, только и сказал Костырин, но переспрашивать не стал, а надел шапку и вышел.

Пока он ходил, Маркел собрался, и Игнаха собрал ему узел.

Вернулся Костырин с санями. Маркел вышел, сел, перекрестился и поехал.

ГЛАВА 15

До Чердыни Маркел ехал долго и очень умаялся. Дорога же там была непростая, дремучая, места необжитые, безлюдные. А если где и попадались небольшие деревеньки, то в них жили пермяки и говорили они по-пермяцки, а по-русски понимали плохо. Одно тогда радовало – что погода стояла морозная, ветреная – и снег не таял, ехалось легко. Да Маркел ещё и не скупился, помаленьку приплачивал, проводники довольно усмехались, а после, на ямских дворах, Маркела кормили сытно, наливали ему доверху, стелили мягко.

Но всё равно было тоскливо. С утра до вечера Маркел тряся в санях, поглядывал по сторонам, а там были одни только ёлки да ёлки здоровенные, и всё. Так Маркел ехал десять дней, и только уже на одиннадцатый, ближе к полудню, когда тучи развеялись, впереди показались какие-то бугры над лесом.

– Что это? – спросил Маркел.

– Это Камень, – сказал проводник. – А за ним Сибирь.

– А Чердынь где?

– А тут внизу. Сейчас из леса выедем, и ты увидишь.

Так оно тогда и оказалось – дорога пошла под уклон, начала петлять, потом ёлки расступились, и Маркел увидел впереди, в низине, город. Даже скорей не город, а острог с посадом. Посад был ограждён высоченным крепким тыном, от времени почти что чёрным. Да и весь город был чёрный, снег же там уже сошёл. Также и поле вокруг города всё было в чёрных проплешинах, а дорога к городу – раскисшая, грязная, полозья тут же начали скрипеть по песку. Маркел вылез из саней и пошёл с ними рядом. А он был в валенках, валенки сразу набрякли от воды и начали противно хлюпать. Едрёна вошь, думал Маркел, скорей бы дойти!

И дошёл. В посадских воротах их остановили, Маркел показал подорожную и сказал, что ему надо в губную избу. Старший стрелец взялся проводить. Они пошли по посаду. Посад был так себе. Когда шли мимо кабака, там было тихо. Дальше, ещё домов через десяток, посад упёрся в кремль. Они вошли в кремлёвские (острожные) ворота, и там, почти сразу рядом, стояла губная изба. Дверь в неё была закрыта, на замке висела красная сургучная печать. Что это, спросил Маркел. Стрелец ответил, что так надо. И тут же прибавил, что всех, кто приходит сюда, велено отправлять к воеводе. Ну что ж, надо так надо, ответил Маркел, а сам тем временем припомнил, что воевода здесь из худородных, седьмой год сидит бессменно, никто его сменять не хочет, вот он и бесится. Ну да и ладно!

Пока Маркел об этом думал, они подошли к воеводским хоромам. Хоромы были неказистые. Таким же неказистым оказалось и крыльцо, такие же и сени, лестница на верх, верхние сени, и даже стрелец с бердышом у двери. Стрелец открыл дверь, Маркел вошёл, поклонился, распрямился и увидел стоявшего перед ним чердынского (правильнее, великопермского) воеводу Пелепелицына Василия Ивановича. Сам из себя он был высок, тощ, остролиц и взгляд имел очень пронзительный. Вот таким взглядом осмотрев Маркела, он спросил:

– Ты кто таков?

Маркел назвал, показал овчинку. Потом подал подорожную. Пелепелицын прочитал её и с удивлением спросил:

– «И далее, куда будет указано», это куда?

– В Сибирь. По казённому делу.

– А! – радостно сказал Пелепелицын. – По Ермаку! По воровству его! Я так и думал!

– Нет, – возразил Маркел. – Не воровал Ермак. А это у него украли.

– Ну, это тоже запросто, – сказал Пелепелицын. – Там же у него все воров, до единого. –

И тут же спросил: – А что украли?

– Две редкие вещицы, – ответил Маркел. – Ему их царь пожаловал. Сабля турецкая да пансырь немецкий, дорогуший, битый в пять колец.

Пелепелицын, помолчав, сказал:

– Ну, это пропили, скорей всего. Да и даже если нет, а если в самом деле кто украл, то где теперь это найдёшь? В Сибири моей власти нет. Вон, посмотри в окно. Видишь ту реку перед лесом? Так вот по ней Московское царство кончается, дальше земля уже не наша.

– А чья? – спросил Маркел.

– Вот в том-то и беда, что ничья, – сказал Пелепелицын. – Была бы чья, договорились бы. Но кому таковская нужна? Не земля, а одни камни! Высоченные горы камней! Туда зайдёшь и сдохнешь с голоду!

– Ну, может, оно и так, – сказал Маркел. – А вот я ещё слышал, что у вас тут разные люди встречаются. Кое-кто из них дальше дорогу знает. Через эти горы.

Пелепелицын хищно усмехнулся и сказал:

– Да, твоя правда, знали тут одни. А теперь вот на цепи сидят! Вон там! – и топнул об пол сапогом.

– А кто это? – спросил Маркел.

– Ваши людишки, из губной избы! Губной староста Гаврила Хвощ да Сенька Шишкин, губной целовальник. С народцем из-за Камня снюхались!

– А их можно допросить?

– Нельзя! – строго сказал Пелепелицын. – Потому что они не по твоему, а по другому делу посажены. И будут там сидеть до Страшного суда! Или пока не отдадут...

И замолчал, опомнившись. Маркел спросил:

– Чего не отдадут?

– Так, ничего, – уклончиво сказал Пелепелицын. – Это уже, как я сказал, другое дело. А нам пока надо твоё решить. Ведь так?

Маркел не ответил. Пелепелицын, помолчав, заговорил неспешно:

– Вот опять. Никак мне этот ваш Ермак не даст покоя. Да как он только появился, я сразу сказал, что не будет от него добра. От него и от его людишек. Потому что их зачем сюда призвали?! Чтобы они нас, православных, от нечестивых агарян оборонили, а они что?! Где был ваш Ермак, когда татары Маметкуловы у нас здесь под стенами стояли?! Да Ермак как про это узнал, засмеялся и сказал своим вора́м: вот и славно, казаки, пока татары будут Чердынь брать, мы мимо них в Сибирь заскочим и пограбим у них всё! И заскочили, и пограбили. А мы здесь не щадя живота своего отбивались. А Ермак в Кашлыке пьянствовал, и кучумовых баб гаремских, а у Кучума был гарем ого какой!.. Ну да! Вот что Ермаку досталось. А нам тут было не до баб! У нас такой голод был, что пожрали всех мышей. А сколько народу татары побили! И нам ничего! А Ермаку, ты говоришь, и царскую саблю, и пансырь. Да он их пропил, конечно, знаем мы этих казаков! А тебя, дурня, послали искать! Ну не смешно ли?!

Маркел, помолчав, сказал:

– Ладно. Поеду обратно в Москву. Скажу: так, мол, и так...

– Э! погоди! – перебил его Пелепелицын. – Великие дела так быстро не делаются. А посидим ещё, подумаем. Может, чего и придумается. Вот, скажем, есть тут у меня на примете один человечешко, попробуем, возьмём его в расспрос, вдруг он чего да присоветует.

Сказав это, Пелепелицын обернулся, хлопнул в ладоши и кликнул Якова. Вошёл Яков, его дворский, и Пелепелицын приказал ему, чтобы послали человека на посад и привели Силантия Безухого.

– А ты пока сходи, перекуси, – продолжал Пелепелицын, обращаясь к Маркелу. – С дороги небось голоден, а никто и корки не подаст!

И, опять хлопнув в ладоши, вызвал теперь уже Сидора, и тот повёл Маркела на поварню.

ГЛАВА 16

На поварне еды было много, и всё это жирное, горячее. Жаль только, хлебного вина не дали. Ну да впереди ещё расспрос, думал Маркел, так что вино ещё рано. Размышляя таким образом, Маркел съел одну миску, взялся за вторую – и только теперь насытился, стал жевать медленно, в охотку. И тут же его начали расспрашивать – конечно, про Москву, про тамошнюю жизнь. Расспрашивал приведший его Сидор, а повара, стоявшие в сторонке, только слушали. Сидор спрашивал про нового царя и как под ним живётся, и вообще сытна ли жизнь в Москве, много ли там порядка или мало, и так далее. Отвечая на всё это, Маркел был осторожен в словах и почти всё московское хвалил, а если и не хвалил, то изъяснялся кратко и уклончиво. Ну а потом и сам спросил, кто такой Силантий Безухий, которого сейчас пошли искать. И вот тут уже и Маркелу было отвечено весьма уклончиво, что есть, мол-де, такой человечешко Силантий, бродяга, креста не носящий, снюхался с казаками, ухо ему где-то в драке отчекрыжили, и это всё. Маркел слушал, примечал: бродяга, без креста, с казаками, ага...

Но тут на поварню вошёл Яков и сказал, что нашли Силантия, пора идти. Маркел встал, пошёл.

На этот раз его привели уже в другую ответную, она и сама была тесней, и окошко слишком высоко прорублено, и там стояла только одна лавка, на которой уже сидел Пелепелицын. А перед ним стоял самый обычный человек, одетый в посадское, с шапкой в руке. Когда Маркел вошёл, посадский обернулся к нему, и стало видно, что у посадского нет одного уха. Пелепелицын, оборотившись к Маркелу, сказал:

– Вот, это и есть тот человечешко.

После чего повернулся к Силантию и, уже кивая на Маркела, прибавил:

– А это и есть тот важный человек из Москвы, которого надо провести в Сибирь.

Силантий глянул на Маркела и сказал насмешливо:

– Сибирь большая!

– Мне надо в Кашлык, – сказал Маркел.

– Я так далеко не хаживал, – сказал Силантий.

– А недалеко, это куда? – спросил Маркел.

– Ну, через Камень перехаживал...

– Ха! Перехаживал! – сердито перебил Пелепелицын. – Перескакивал, лучше скажи! В Пелым бегал! Маметкула вместе с войском на нас из Сибири наводил!

– Нет, не наводил! – сказал Силантий.

– Наводил! Наводил! Люди видели! – уже почти закричал Пелепелицын. – И я его перехватил, и стал на дыбе поднимать! А он, скотина, упёрся, оттерпелся и три виски молча выдержал. Ну и я что? Отпустил его. Всё по закону!

Маркел кивнул – по закону. В четвёртый раз молчащих поднимать нельзя.

А Силантий упрямо продолжил:

– Наклепали на меня со зла! Не проводил я татарву на Чердынь! И мне Бог за это силу дал, и я, с Его помощью, себя не оговаривал, терпел!

– Ага! С Божьей помощью! – вскричал Пелепелицын. – А крест на тебе есть? Покажи свой крест, скотина!

– У меня крест в душе, – сказал Силантий.

– Знаем мы твою душу, ага! А когда этой зимой Васька Шуянин со своим ворьём мимо нас в Сибирь прошмыгивал, кто ему туда дорогу показал? Это тоже на тебя поклёп?

– А разве нет?! – дерзко спросил Силантий. – А меня опять на дыбу подняли! Опять три раза! И что получили?!

Пелепелицын, покраснев, сказал в сердцах:

– И опять он отмолчался, пёс! Ты представляешь, какой терпеливый! Хоть ты его на ярмарках показывай.

– Да, – сказал Маркел. – Бывали и у нас такие. – И, обернувшись к Силантию, спросил: – А меня через Камень сведёшь?

– А зачем мне это? – ответил Силантий с насмешкой.

Маркел посмотрел на Пелепелицына. Тот засверкал глазами и сказал:

– Не сведёшь, опять возьму в железа и прикажу Игнату, чтобы он прибил тебя до смерти, когда будет на дыбу поднимать.

– Против Бога идёшь, боярин! – гневно воскликнул Силантий.

На что Пелепелицын с усмешкой ответил:

– Ну, это мы уже только на том свете наверняка узнаем, кто против кого шёл. А тут велю задушить, и задушит. А вот проведёшь человека в Сибирь, я не только зла на тебя больше держать не стану, но ещё дам три рубля!

Силантий посмотрел на Маркела. Маркел как бы между прочим сложил пальцами козу и усмехнулся. Силантий задумался.

– Ладно, – сказал Пелепелицын. – Утро вечера мудреней.

И кликнул Якова. Когда тот вошёл, Пелепелицын, указавши на Силантия, велел:

– Отведи его на низ. Пусть там подумает, охолонётся.

И, уже обращаясь к Маркелу, спросил:

– А ты как?

– И я тоже думаю, что утром будет мудреней, – сказал Маркел. – А пока бы я соснул.

И в самом деле, за окном тем временем уже стемнело. Пелепелицын снова кликнул Сидора. Сидор отвёл Маркела на третий жилой этаж, там завёл в славно прогретую каморку, постелил на лавке и спросил, что ему ещё угодно. Маркел спросил, где его узел. Утром принесли, ответил Яков, узел цел. Маркел подумал и сказал, что ему нужны сапоги на смену валенкам. На что Яков усмехнулся и ответил, что в этих местах валенки Маркелу ещё летом пригодятся. Маркел промолчал, насупился. Яков ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.